

У истоков Руси

Сергей Мухин

Лихолетье

У истоков Руси

Сергей Мухин

Лихолетье

«ВЕЧЕ»

2023

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2)

Мухин С. П.

Лихолетье / С. П. Мухин — «ВЕЧЕ», 2023 — (У истоков Руси)

ISBN 978-5-4484-8989-1

В начале XIII века стихла борьба князей за великое княжение владимирское, но нет на Руси ни единства, ни хотя бы страха новой угрозы, грядущей из Степи. Рязанский боярин и бывалый воин Евпатий Коловратодин из немногих предчувствует надвигающуюся опасность. Но все же он не один. Есть у него помощники, а среди них сын коваля Андрейка и беглый холоп Тереша, волею судьбы в это лихое время оказавшиеся, как и многие другие, в дружине Евпатия Коловрата.

УДК 821.161.1-311.6

ББК 84(2)

ISBN 978-5-4484-8989-1

© Мухин С. П., 2023

© ВЕЧЕ, 2023

Содержание

Звериный лов	6
Незваные гости	7
Погоня	11
Полон	14
Мечь	18
В далекой Венгрии	19
Посланники	22
Во Владимире	25
Владыка	28
Братья	30
На владимирском торгу	33
Кряж	36
Дорога к дому	42
Беглец	45
Нежданная встреча	47
Засоха	48
Заботы	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Сергей Павлович Мухин
Лихолетье
Роман

* * *

© Мухин С.П., 2023

© ООО «Издательство „Вече“», 2023

Звериный лов

Безбрежны широкие просторы Руси. От далекого полноводного Днепра с величественным Киевом до скрытого непроходимыми лесами и болотами Господина Великого Новгорода немало дней пути. Не всякий купец отважится пуститься в такую дорогу. Много может ожидать его. Нет на Руси былого единения. Множатся княжеские уделы, растут и богатеют боярские именья. Много на Руси хозяев, а мира и покоя все меньше. То затихнет на время, то загорится пуше прежнего княжеская усобица, в которой не отыскать ни правых, ни виноватых. Один разор для Русской земли.

Но жизнь течет своим чередом. В лето 6744(1236) от Сотворения мира Бог миловал от усобицы Залесский край и Рязанскую землю.

Летнее солнце спряталось за белесое облачко, опустив тень на вереницу всадников, медленно спускающихся по пологому холму, поросшему молодыми деревцами.

Всадники ехали кучно; между ног лошадей, высунув языки, сновали уставшие за день псы. Ехавший впереди рязанский князь Юрий Ингваревич смахнул пот со лба и бросил взгляд на бирюзовое небо. Соколиный лов всегда прогонял тоску с его дум, а сегодня и вовсе радовал сердце немолодого князя. Намедни¹ узнал он, что молодая княжна Евпраксинья понесла дитя. Это ли не радость! Отпраздновали как положено, и поутру, кто в силе остался, отправились на соколиный лов. Теперь же, потешив сердце, возвращались обратно.

Повернувшись к сыну Федору, он тихо произнес с улыбкой:

– А мечто в ложницу² брали? Али как?

Федор отвечал серьезно:

– Как велено было, в изголовье и лежал.

Князь засмеялся громче.

– Значит, малец родится.

Ехавшие рядом бояре дружно улыбались вслед за ним.

Краем ока князь Юрий, видно, приметил чей-то невеселый взгляд. Повернулся больше в седле и зычно окликнул:

– Что не весел, Евпатий, али княжеская радость не по сердцу?

– Бог с тобой, княже. Такой радости грех не разделить, – встрепенулся боярин, названный Евпатием.

– Што же хмур, как сыч?

– Думы невеселые, княже.

– Аа. Опять ты за свое.

Веселость враз сошла с лица князя.

– Спасив ты, боярин. Завтра поутру ко мне явишься.

Он подхлестнул коня и поскакал быстрее вперед, оставляя позади свиту.

Эх, князь Юрий, что кому доведется – знать бы наперед. Да где человеку такое знать...

¹ Намедни – некоторое время назад.

² Ложница – спальня, кровать.

Незванные гости

Быстрая лесная речка, шумя на перекатах, уносила свои воды неведомо куда, вдаль от рубежей Рязанской земли. Разливалась ручьями и исчезала в зыбких мордовских болотах. Болот хватало и здесь, на дальнем рубеже княжества. Лишь недождливое лето подсушило непроходимые топи, давая дорогу непрошеным гостям.

Пара всадников осторожно пробиралась сквозь раскидистые ветви.

Стайка лесных птиц с шумом поднялась над верхушками деревьев. Следом за ними, стрелочка, взлетела сорочья пара.

Пожилой порубежный сторож Матюша вдвоем с Андрейкой, объезжающий тайными лесными тропами рубежи, насторожился, быстро соскочил с коня и стал вглядываться сквозь ветви на речную низину.

– Вон, гляди под ту высокую сосну, – тронул он за плечо, подобравшегося к нему парубка³, – вишь?

Сосна стояла на сухом месте одиноко среди мелких болотных деревьев. Сквозь просвет между деревьями Андрейка разглядел мелькающие тени.

– Никак всадники?

– Верно, добытчики, кажись, пожаловали... Булгары... Хитры, черти. По бережку и пробираются. Он тут песчаный, а подалье берега-то все одно топкие, хошь и сушь стоит... Ведет их кто-то.

Матюша еще раз тронул парубка за плечо:

– Так што поспешай к боярину Евпатию. Пусть гостенечков встречать спешит. Ближние веши я оповещу, а коли успею, и за этими пригляну. У комолой сосны боярина ждать буду... Поспешай, говорю.

Стараясь не шуметь, Андрейка, поглаживая коня, чтоб не заржал ненароком, быстро скрылся среди лесных ветвей. Путь его лежал туда, где среди лесов в стороне от дорог притаилась неприметная сторожевая крепость, прикрывающая рубежи расширившегося Рязанского княжества.

День уже клонился к вечеру.

От усердия Андрейка чуть не загнал коня. Спрыгнув, пустился бегом. Усталый конь семенил рядом. Летняя ночь медленно опускалась на утомленную зноем землю. Тревожно оглядываясь по сторонам, парубок все бежал сквозь непроглядную темноту по лесной дороге. Увидев знакомую развилку, ненадолго остановился перевести дух.

«Дальше поле – и вот она, крепость, хоть Матюша давно уже в Кнечи, да сколько булгар пожаловало, одному Богу известно...»

Крепостица, срубленная во времена нынешнего князя на большой лесной поляне, была тесна. Лишь четыре невеликие вежи⁴ располагались по ее углам, да одна пониже, над воротами. Окруженная мелким, но широким рвом, она имела лишь один выход через деревянный неподъемный мосток, который, однако, можно было сразу разобрать в случае надобности. И только высокий насыпной вал придавал ей грозный вид. Стены стояли чуть не прямо на нем, возвышая крепостицу вровень с окружающими деревьями. Мастер, чьими заботами она появилась на этих рубежах, все сделал по уму. Любой подходящий к ней оказывался в небольшой низине, как на ладони открытый крепостной страже.

Не довелось крепостице встречать набеги. Ни разу не подступали к ней враги, не пролилась на ее стенах людская кровь. Стояла мирно, была опорой переселившемуся сюда люду.

³ Парубок – молодой человек, юноша.

⁴ Вежа – крепостная башня.

Внутри ее располагались две курные избы. Одна больше и попросторней для княжеских воев⁵, другая поменьше, но повыше, с пристроенным крыльцом для боярина. Два крытых навеса. Один с длинными столами и скамьями по бокам, другой заваленный сеном. Коновязь да колодец с длинным журавлем посередине двора. Вот и все постройки, тесно заполнившие крепостной двор.

Вечерело. Неродовитый рязанский боярин Евпатий, прозванный за сноровку в ручном бою Коловратом, вышел на крыльцо. За строптивость свою служба его теперь была вдали от Рязани. На самых дальних рубежах Рязанских земель.

Во дворе шумело побоище. Трое молодых воев в доспехах, но без щитов рубились с Демьяном. Крепкий боец, бывалый княжеский дружинник Демьян укладывал на землю одного за другим. Остальные, кто не спал под заваленным сеном навесом, стояли кругом. Балагурили.

Евпатий молчаливо глянул на круг и обвел взглядом крепостные стены. На каждой из стен на сходнях стояли стражи, от их взора ничто не должно было укрыться за стенами крепости. Они изредка, украдкой поглядывали внутрь двора, но, заметив старшего, и вовсе повернулись спинами. Двое стражей стояли и около ворот.

– Куражатся. Поутру не натешились, – к крыльцу подошел сотник Митяй.

– Коли силы девать некуда, пусть тешатся.

– Пусть. Пусть. Молодые ишшо.

Евпатий мотнул головой.

– Этих троих с утра поставь с кем постарше. Руку держат нетвердо. Скоко времени в дружине, а никак не обучатся.

– Сам с ними встану. Поднатореют.

Не став более смотреть за бойцами, боярин вернулся в избу.

Переведа дух, Андрейка хотел было вскочить на коня. Не годится вою вперед коня в крепости бежать. Смеху потом не оберешься. Да вот конь совсем сник. А молодого да бойкого заслужить еще надо. Пришлось снова бежать.

Заметили его издали. Навстречу вышла пара воротных стражников. Один из них – известный весельчак Клим с копной непослушных рыжих волос, выбивающихся изпод шишака⁶, – подхватил коня под уздцы. Все его звали Рябой. Другой – Горюн, меченный шрамом через все чело, – хмуро спросил:

– Эк тебя угораздило. Стряслось чего?

В горле у Андрейки пересохло от долгого бега. Вместо ответа он поперхнулся и закашлялся.

– Да погодь ты. Вишь, как зашелся.

Рябой протянул оплетенную ивовыми прутьями флягу парубку.

Настоянный малиновый квас продрал горло.

– Булгары пожаловали. К боярину Евпатию мне надобно немедля, – прохрипел парубок.

– Идем, – буркнул меченый.

На пороге избы он просунулся в дверь и тихо позвал:

– Игнатий...

Игнатий, стремянный боярина Евпатия, вышел сразу же.

– До боярина тут.

– Погоди. Гляну, не почивает ли боярин. Поздно уже.

Но Евпатий еще не спал. Вышел сам. Обернувшись к Игнатию, бросил:

– Демьяна покличь.

– Да тута я.

⁵ Вой – воин.

⁶ Шишак – железный защитный шлем на голову древнерусского воина.

Встревоженный ночным шумом, в избу вошел Демьян. Рослый, годами не моложе боярина, он сурово посмотрел на парубка.

Евпатий кивнул:

– Сказывай, чего видел.

– Булгары на Мокше объявились. От Дадонова ручья я сюда поскакал, а Матюша приглядывать остался.

– Булгары ли?

– Они. У Матюши око наметано.

– Много?

– Да не более двух дюжин будет.

Евпатий повернулся к Демьяну:

– Подымай людей.

Расспрашивать дальше боярин не стал. Все было ясно. Булгары, надеясь пройти незамеченными, намеревались, как повелось, напасть на порубежные веси и уйти восвояси с добычей.

Все разошлись. Евпатий открыл волоковое оконце и выглянул на улицу. Погруженная в дремоту крепостица зашевелилась. Слышалось ржание коней. Он затворил окно. Игнатий неподвижно стоял у входа в горницу.

– Крепостица на тебя останется. Митяй со мной пойдет.

Стремянный вздохнул:

– Воля твоя, Евпатий Львович.

– Да не тужи. Пособи лучше бронь надеть.

Сборы были недолгими. И уже вскоре легкоконная полусотня рязанских воев выехала из крепости. Рядом с боярином на свежем коне скакал Андрейка.

...Всадники в островерхих шапках ехали молча. Наказ старшего был суров.

«Летние ночи коротки, а сторожевые заставы рязанского князя наставлены густо, – об этом Санчук помнил хорошо, – надо спешить». Давно он сам не ходил за добычей на другой берег Итиля⁷, но время было женить сына. Став не последним воином, он так и не разбогател, как другие. Ехали сторожко. Проводник вел стороной от дорог, но на этот раз лихим добытчикам не удалось остаться незамеченными. Большое торговое селение Кнечь встретило булгар тишиной. Жители успели разбежаться по окрестным лесам. Когда, окружив селение, всадники с гиканьем устремились к домам, Санчук уже понимал, что добычи не будет и только удача теперь может помочь им уйти обратно. Еле сдерживая разгорячившегося коня, он нашел глазами проводника.

– Ты говорил, что селение будет богатым и добычи хватит на всех. – Взмах плети заставил проводника испуганно закрыться рукой, но конь Санчука заволновался сильнее, и он опустил плеть. Не всматриваясь в окружающие его недовольные лица, он крикнул:

– Айда, – и устремился прочь из селения, увлекая за собой всех.

Поднимаясь на бугор, Санчук обернулся назад. В отблесках восходящего солнца виднелся белесый столб дыма на недалекой возвышенности.

– У, шайтан, – процедил он сквозь зубы и, нахлестывая коня, пустился догонять остальных.

Как ни была велика тяга к ускользящей добыче, Санчук уводил всех обратно. И лишь к полудню остановил коня. Оглядев своих спутников, обратился к крепкому раскосому булгарину, не отстававшему от его удалого жеребца на своем гнедом весь день:

– Отсюда уходить будем в разные стороны. Одних поведу я, других ты, Асмаг.

Несколько всадников повернули коней и быстро скрылись из глаз.

⁷ Итиль – река Волга.

Солнце опускалось за верхушки деревьев, когда Санчук разрешил остановиться на отдых, чтобы под покровом ночи продолжить свой путь.

Погоня

Утренняя дымка, окутавшая лес, начинала рассеиваться, когда полусотня княжеских воев остановилась у высокой неохватной сосны, раскинувшей свои почти высохшие ветви далеко вокруг себя. Сосна стояла особняком. Своим видом она внушала страх. Ни одно молодое деревце не приближалось к этому лесному чудовищу. Андрейка, всю дорогу находившийся рядом с боярином, сложил руки у рта. Негромкий крик лесной птицы раздался в тишине и затих. Неспешно из ближнего молодого сосняка показался верховой.

Матюша, прошедший всю ночь без сна, добрался к оговоренному месту недавно. Усталость овладела им, и он едва не заснул, прислонившись к дереву. Зов враз согнал с него дремоту. Цепко вскочив на коня, он выехал на узкую лесную дорогу. Боярин смотрел на него строго:

– Приспал, что ли?

– Самую малость... Умаялся. Слава Богу, не разминулись.

– Чего скажешь?

– Да лиходеи, поди, уже в Кнечи, но я упредить поспел.

– Почем знаешь, что в Кнечи?

– Дело обычное промеж нас. С правильного места огонь да дым далече видать, – лукаво улыбнулся сторож.

Едва повернув голову к остановившемуся за ним вою, боярин тихо произнес:

– Митяя сюда.

Седовласый Митяй осторожной рысью приблизился к старшему.

– В дозор вперед пойдете с Андрейкой. Не ровен час и навстречу попадутся.

Митяй, не говоря ни слова, кивнул.

Солнце поднималось все выше, но в скрытой от солнечных лучей лесной чаще было полно мошканы. Стоило остановиться, и стаи мошек облепляли начинающих уставать коней. Дозорные же давно остановились на затененной лесной поляне. Кони трясли головами, обмахивались хвостами, пытаясь согнать надоедливых лесных тварей.

Пока Андрейка держал коней, Митяй то осторожно ступал по поляне, смотря себе под ноги, то опускался к самой земле.

Наконец подозвал парубка, показал на землю:

– Смотри, Андрейка! Тут они стояли.

– Што с того, што стояли, дядька Митяй? Постояли да дальше двинулись.

– Што? Да не што... Отсюда разошлись они... Сюды смотри. Одни следы поперек других ложатся. Значит, кто то по своим следам назад поскакал.

Малопомалу Андрейка разглядел в мешанине от конских копыт то, что Митяй увидел, только взглянув на покрытую мхом и опавшей прошлогодней хвоей землю.

– Давай по ихнему следу назад воротимся.

Спорой рысью всадники двинулись назад и остановились на берегу мелкой речонки, на которой чуть раньше поили коней.

Сквозь прозрачную воду виднелось илистое дно. Медленная вода не успела смыть отпечатки конских копыт.

– Верно, разошлись. Следы заматают лиходеи, уйти торопятся, – процедил сквозь зубы Митяй, – скачи до боярина.

Андрейка, пришпорив коня, спорой рысью быстро скрылся из глаз, а Митяй долго смотрел в бегущую воду, пытаясь еще что-то высмотреть на илистом дне.

Полуденный зной начинал проникать даже в лесную прохладу, когда княжеские вои выехали на берег. Митяй показал плетью все еще не смытые быстрой водой впадины от конских копыт, подъехавшему к нему боярину.

– Так што разошлись они, Евпатий Львович.

– И нам, значит, делиться придется... Тебе за этими, кто по ручью двинулся, со своим десятком идти, а мы за остальными гоняться не будем. К Мокше пойдем. Дорога у них обратно одна. Бог даст, и настигнем еще.

Не дожидаясь ответа, боярин крикнул остальным:

– Лошадей напоить сейчас. Боле остановки не будет.

Выслав вперед дозор, болгары ждали наступления темноты.

Чуткий серый жеребец тихонько заржал, чувствуя приближения всадников. Рука Санчука легла на рукоять сабли. Ожидая погони, воины схватились за оружие. Но это вернулись дозорные. Они наткнулись на небольшое селение неподалеку.

Добытки ждали, что скажет старший. Вернуться ни с чем могли себе позволить немногие. И он решился...

Сидя верхом, Санчук смотрел, как отбивается невесть откуда взявшейся здоровенной головней простоволосая уруска от наседающего молодого воина. Пока тому не помог еще один. Вдвоем они скрутили бойкую девицу. А головня отлетела и тлела в стороне. Огонь начинал пожирать сухую траву, разгораясь пожаром...

Из-за густых сосновых ветвей на спокойную воду смотрели очи Евпатия Коловрата. Бывалый порубежный сторож Матюша, хорошо зная здешние места, вывел коротким путем отряд русичей к Мокше. Сторожа были расставлены. Оставалось ждать.

Евпатий посмотрел на Демьяна:

– Коли не удержались болгары от разбоя, с добычей сюда вернутся. Другого пути они не знают. Вот в этой ложбине их и покараулим...

– Доброе местечко, – поддакнул Демьян, оглядывая заросшую деревьями канаву, прорезавшую пологий берег, – другого пути к воде близко не найдут.

Воев было маловато, чтобы искать добытчиков по руслу реки. Оставалось сидеть тихо и ждать. Багровое солнце стояло еще высоко, а из глубины леса вдруг заголосила кукушка.

– Идут, – услышал за своей спиной Андрейка голос Демьяна.

Сторожа извещали о приближении непрошенных гостей.

...Асмаг насторожился, услышав рядом с собой птичий крик. Махом перехватил в руку щит, висящий на спине.

Не желая остаться без добычи, он, расставшись с Санчуком, не спешил уходить. Вернувшись обратно, они нашли себе добычу и теперь возвращались медленно, отягощенные полным.

Резкий свист резанул воздух, и стрела вонзилась в щит Асмата.

Стрелы сыпались со всех сторон. Его конь захрипел и опустился на колени. Он успел соскочить и тут же столкнулся с молодым русичем.

Неожиданность нападения принесла скорый успех. Булгары отбивались слабо. Самые бойкие вои уже освобождали пленников от пут. Полоснув по веревкам, связывающим двух девиц, Андрейка едва успел прикрыться щитом. Удар пришелся на него. Девицы заголосили, а он уже бил в ответ.

Булгарин оказался опытным воином. Резким броском он сблизился с Андрейкой и, зацепив ногой за его ступню, сбил щитом. Еще миг – и лишиться бы парубку головы, как одна из девок с воем кинулась под ноги булгарину. Воин, не ожидавший такого, замешкался, а Андрейка со всей силы успел ткнуть мечом во врага.

Все было кончено.

Евпатий опустил меч. Он смотрел на поверженных врагов. Возжелавшие добычи сами стали ею. Русичи ловили болгарских коней. Выискивали себе поживу. Взгляд боярина остановился на молодом вое, которого не сразу узнал со спины. Тот отошел в сторону от остальных, держа в руках болгарскую саблю. Теперь он узнал Андрейку – молодого плечистого парубка, совсем недавно взятого им на службу.

– Не обвык еще... – слышалось откуда-то со стороны, – а вой будет добрый. – Подошедший Демьян вел за узду пойманного болгарского коня, кивая головой на Андрейку.

Евпатий ничего не ответил.

Следы болгар, ушедших по ручью, часто терялись в лесной глуши. Даже бывалый Митяй не раз сбивался с пути, но, несмотря на это, преследователи двигались дальше. Чуткий нюх Митяя уловил знакомый запах дыма, наступившие сумерки мешали ехать быстро, но Митяй упрямо вел всех вперед одному ему понятным путем.

С невысокого пригорка рязанцы увидели весь, освещенную яркими языками пламени. Небольшая избенка на отшибе полыхала громадным костром. Спустившись в селение, они не нашли жителей. Следы разбоя виднелись повсюду.

– Не успели. – Митяй сокрушенно смахнул пот со лба.

Полон

Разграбив весь, болгары ушли вверх по реке на Владимирские земли, опасаясь преследователей. Митяй же сначала спустился вниз, а когда понял свою оплошность, было поздно. Откуда было знать старому дружиннику, что на далекой Оке в укромном месте уже ждут добытчиков насады⁸...

Хозяин насадов с широкой золотой цепью на шее окинул суровым взглядом полон. Звали его Искут. Он ждал большей добычи. Хотя его корысть и оставалась прежней, но, как знать, захотят ли ее возместить сполна, когда добыча не столь велика.

Искут незаметно мотнул головой, прищурил глаз, призывая своих быть настороже.

Был он высокого роста, широк в плечах и мало кого боялся. Всего в своей жизни испытал сын русской рабыни и болгарского торговца, волею Провидения лишившийся в мор всего своего семейства.

Тогда в одночасье стал Искут единственным наследником.

Много что увидели его выцветшие на солнце очи. Каких только людей с их поклажей не приходилось возить ему аж до Хвалынского моря. Не брезговал и охотниками до невольников; хоть и знал, откуда его мать, но возил и на Русь тайком добытчиков.

Менялись времена, и промысел этот стал стихать, как поставил владимирский князь в устье Оки новый город. А перед тем и хорошо повоевал Булгарскую землю. Но нетнет да и появлялись лихие охотники за невольниками в Залесском краю.

Новый город миновали на рассвете. Искут вздохнул с облегчением, только когда лоды вышли из Оки в Итиль. Спокойная гладь воды впереди несла по большой реке множество судов. Теперь опасаться было нечего.

На пристани Булгара Богаз снаряжал свой насад для далекого пути. Водный путь до Владимира был неблизок и таил немало опасностей. Чем только не приходилось торговать купцу на Руси, но нынче в цене были дорогие ткани из далеких восточных стран. В былое время в Биляр и Булгар приходило много караванов с дорогим аксамитом и парчой. Но неведомый народец вихрем прошелся по далеким странам и уже кружил возле самой Булгарии, тревожа ее постоянными набегами. Караванов стало меньше. Нужно было поторапливаться, чтоб получить выгоду.

Богаз криком подгонял работников, затаскивающих последние тюки с товаром. Он был доволен. Насад полон ходового товара, а крепчающий ветерок не внушал опасений.

Еще не успел рассеяться мрак пасмурного утра, а ведомое ветром купеческое судно уже покинуло причалы Булгара.

К концу первого дня пути купеческий насад уже подплывал к устью Оки. Дальше лежали земли Руси. Здесь Итиль, как всегда, был полон судов, держащих свой неблизкий путь на Владимир и дальше по всей Руси, куда только может добраться юркое торговое суденышко.

На самом устье от цепкого взгляда Богаза не ускользнули два знакомых судна. Они прошли далеко, но он узнал хозяина. Это был Искут. Люди с лошадьми на них не оставляли сомнений.

Богаз взглянул на русскую крепостицу на берегу и усмехнулся: «Искут опять промышляет невольниками».

Насады Искута намеренно причалили к берегу вдалеке от Булгара. К чему знать лишним людям о его промысле? Получив общанное, он остался доволен. Не приходилось видеть Искуту выгодней товара, чем невольники.

⁸ Насад – древнее судно с палубой.

Тем временем утренний ветер разогнал тучи, и летнее солнце согрело лучами землю. Сошедший на сушу полон двигался медленно. Санчук повернул голову: «Хороший полон, много молодых и сильных. На невольничьем рынке все они уйдут за хорошую цену. Только нет от того в сердце радости... Да и выручка все равно будет невелика. Хороший калым за невесту сыну не собрать».

Он посмотрел на довольные лица своих спутников. «Нет, эти не несут тяжести в сердце. Для многих из них это первый набег, и, если нет добычи, нет достатка. Кто может осудить их за это...»

Только верный Морун, как всегда, угрюмо покачивался в седле рядом. Много лет назад он нашел его на ремесленной окраине, когда рати владимирского князя уже насытились своей добычей и отступили от Биляра. Из хрупкого мальчика он превратился в могучего детину, но язык не слушался его. Морун был немым. Может, поэтому он и казался угрюмым.

Санчук еще раз взглянул в его сторону: «О чем он думает? Помнит ли, что тоже рус?»

Санчук остановил свой взор на молодом воине Гаязе, который, не скрывая своего желания, косился на молодую уруску с длинной косой: «Помнит ли этот хоть одну суру из Корана, где говорится о благочестии?»

Он посмотрел на Гаяза таким взглядом, что тот поспешил отъехать в сторону. Все знали тяжелый нрав Санчука. Впереди предстоял еще не близкий путь.

Добытки добрались до Булгара в полдень. Путь к невольничьему рынку лежал через ремесленные слободы, которые окружали город со всех сторон. Многоязычный, шумный город собрал в себе все народы, населяющие берега великого Итиля. Особенно много в Булгаре было ремесленников-урусов. С давних времен они жили бок о бок с булгарами и были верны каждому новому малику⁹. Какой волей они появились здесь, никто уже не помнил. Никого это не удивляло.

Урусоворужейников жило немало и в родном Биляре, куда Санчук спешил вернуться с добычей.

Слободские улицы были пустыни. Жители, видно, попрятались, увидев полон. Только детишки, прячась за изгородями, выглядывали то тут, то там.

Санчук взглянул на крепкую свежесрубленную церквушку, мирно стоящую среди таких же рубленых домов. Рядом был колодец. День стоял теплый. И он решил напоить своих невольников. Прежде чем напиток, полоняне крестились на церковь, а утолив жажду, опускались на землю. Но время близилось к полдню. Отдыхать пленникам не позволили.

Ремесленная слобода кончилась. Навстречу попалась деревянная мечеть, такая же рубленая из вековых сосен, как и храм пророка Исы, разве что минарет из вековых сосен был повыше.

Впереди уже виднелись городские ворота.

Большой торг Булгара гудел, как взбудораженный улей. Пробираться с полонем стало труднее. На площади казнили пойманных воров. Страшная казнь всегда собирала много желающих увидеть кровавое зрелище. Дождавшийся своего часа разбойник пронзительно вопил, когда его волокли к жалладу¹⁰ мимо разрубленных останков остальных. Толпа в диком молчании взирала на это. Продолжать путь сквозь нее было невозможно. Пришлось пробираться стороной, по узким улочкам бедной городской окраины.

Булгар был велик и многолюден. Минареты мечетей возвышались над невысокими жилищами людей. Богатство и роскошь уживались в нем с бедностью и нищетой. Этот большой город внушал Санчуку недоверие. Но нигде в Булгарии не было такого невольничьего рынка,

⁹ Малик – царь.

¹⁰ Жаллад – палац.

как здесь – в городе, стоящем на великой реке, соединяющей его со всем миром. Желаящие получить живой товар стекались сюда отовсюду. Причалы ломились от купеческих судов.

Пробираясь по узким улочкам, спутники Санчука не скрывали своего довольства.

Рынок и впрямь был огромен. Среди закованных в железо или связанных путами рабов ходили невеселые покупатели в сопровождении вооруженных слуг.

Санчук питал к ним отвращение, потому что знал: вся спесь сойдет с их лиц, как только любой из них окажется один на один со свободным рабом. Он старался не смотреть на эти обрюзгшие или иссушенные злобой лица. Если бы не калым, его нога никогда не ступила бы сюда. Но непрекращающиеся набеги степняков истожили Булгарию. Малик Ибрагим был уже не так щедр со своими воинами. Даже такими, как Санчук.

Весь полон забрал какойто иноземный купец с исковерканным шрамами лицом. Санчук не знал его языка, но купец не торговался.

Пленников повели обратно к Итилю, а удовлетворенным добытчикам оставалось развешаться по своим домам.

Родной Биляр встретил Санчука теплым дождем. Потоки воды стекали с плоских крыш и растекались ручьями по улицам. Прорытые каналы справлялись с потоком, но на улицах все равно было грязно. Забрызганные грязью и промокшие, они с Моруном наконец преступили порог теплого жилища. Промокнув под проливным дождем, оба были рады теплу и крову.

Добротный, сложенный из глины и камня дом не был роскошным жилищем, но радовал взор хозяина, вернувшегося пусть с небольшой, но добычей.

Окруженный заботой жены, Санчук полулежал на хорезмских коврах. Многодневная усталость давала о себе знать. Айгуль почтительно молчала, подливая из вытянутого, с длинным носом кувшина горячий напиток уставшему мужу. Санчук смотрел на нее. Ее черные, еще не тронутые сединой волосы выбивались из-под платка, повязанного, как положено замужней женщине. Этот платок она повязала для него. Он подарил его ей очень давно, когда родилась их первая дочь. Судьба не дала им много детей. Из всех черная смерть не унесла с собой только ее и младших брата с сестрой.

Айгуль приблизилась и поставила большую чашу перед мужем. Ее гибкое тело выгнулось, и она почувствовала на себе взгляд Санчука. Скользя взглядом по мужу, она поспешила подняться. У этой жгучей черноволосой женщины были голубые глаза. Когда-то простой воин взял в жены дочь бедного пастуха-булгарина и его жены из земли урусов. Пастух был так беден, что не мог заплатить выкуп за невесту и взял в жены юную уруску-рабыню, за которую отдал половину своего скота. Свою единственную дочь они назвали Айгуль.

Она была красива даже сейчас, спустя столько лет. Он взял ее руку и остановил.

Айгуль посмотрела на мужа.

– Но Диверт ждет твоего слова.

Она слегка повернула голову к незакрытому пологу входа.

Санчук улыбнулся.

– Мне есть чем порадовать его, пусть немного подождет.

Он не прикоснулся к чаше, а поднялся и плотно задернул полог входа. Повернулся к жене.

Айгуль покорно опустила голову.

На следующее утро в двери дома призывно и грубо постучали. Двери открыл старый раб. Облаченный в железо воин так же грубо закричал на него:

– Где твой хозяин?

Обескураженный раб не успел ответить, как тот, разозлившись, снова разразился криком:

– Что молчишь, старый ишак?

Негромкий голос остановил ретивого посланца.

– Или ты не знаешь, в чей дом пришел, воин? – Санчук стоял в стороне, неизвестно как появившись у порога.

Так же резво посланец склонил голову и произнес:

– Мир твоему дому, кем бы ты ни был. Малик Ибрагим ждет тебя во дворце... В осаде Кукреш.

Месть

Бурундай-нойон¹¹ приподнялся в седле и устремил свой взор в низину, туда, где сплошного леса не было и виднелись большие луга перестоявшей травы. Когда-то ему уже приходилось бывать в этих местах. В одну из таких узких низин табарганы¹² заманили тумены¹³ Джебе и Субэдэя много лун назад. А Бурундай тогда и не мечтал стать нойоном. Его помыслы были лишь о теплой юрте и большом стаде баранов, когда он вернется из дальнего похода и сможет, наконец, стать богатым айратом и иметь не одну жену. Но вышло все иначе, три дня воины покорителя вселенной отбивались от табарганов, так и не сумев преодолеть этих невысоких гор. Разве такие горы приходилось видеть в своей жизни Бурундаю... И все они расступались перед туменами Темнучжина. А эти стали непроходимой ловушкой. Даже Субэдэй не смог вовремя понять это. Тогда он волей случая оказался не так далеко от своего темника¹⁴ и вовремя смог услышать приказ об отступлении. Его хранило небо, он сумел спасти многих из своей сотни и даже сохранить часть добычи. Не многим так улыбнулась судьба. Тогда же его заметил Субэдэй. Теперь он нойон.

Они ушли отсюда побежденными, но сейчас все было иначе. Горечь давнего поражения наполнила разум обидой и яростью. Бурундай знал теперь, его тумен никогда не станет добычей табарганов. Пришло время мести.

¹¹ Нойон – начальник.

¹² Табарган – болгарин.

¹³ Тумен – десять тысяч воинов.

¹⁴ Темник – глава тумена.

В далекой Венгрии

Ласковое летнее солнце начинало проникать в просторную палату католического монастыря в Пеште, освещая своими лучами священника, склонившегося над громадным дубовым столом. Робкий монах, зашедший погасить свечи в массивных светильниках, осторожно остановился у входа в ожидании. Епископ Перуджи сделал едва различимый жест рукой, разрешая служителю исполнить обязанности. Теперь ему было достаточно солнечного света, чтобы еще раз перечитать послание папы.

Римский предстоятель Григорий Девятый в который раз настоятельно добивался расширения миссионерской деятельности с земель, подвластных Венгерскому королевству. Последний крестовый поход сильно подорвал власть Константинопольского патриарха, но окончился бесславно для христианского мира. Нынешний папа Григорий Девятый уповал на слово Божие больше, чем на силу меча. Всего лишь четырьмя годами раньше несколько доминиканцев из монастыря в Буде отправились на поиски великой Венгрии на далеком востоке, жители которой еще не припали к ногам Всевышнего. Многие испытания выпали на долю братьев. Живым вернулся лишь брат Отто, сумевший многое рассказать об этой неведомой стране. На девятый день по возвращении он почил, выполнив свой долг перед Всевышним: «И конечно, вкушает плоды в райских садах», – но начатое дело удалось закончить лишь ныне.

Вторая миссия принесла успех. Месяц назад брат Юлиан вернулся из земель Великой Венгрии, и вести, которые он принес, были куда значительней всех проповедей среди язычников.

Поднявшись, епископ расправил уставшую от долгого сидения спину. Мелкими шагами он стал расхаживать по залу, продолжая напряженно думать.

Не меньше папы в проповеди слова Господнего на неподвластном востоке заинтересован и венгерский король Бэла. Каждый король мечтает иметь все больше своих подданных, но желает и не расстаться с тем, что имеет ныне. Опасность в благословенный христианский мир всегда приходит с востока. Еще не забыты воинственные гунны, сумевшие покорить Европу. Перед ними трепетал Рим.

От напряженных мыслей бессонной ночи голова гудела, словно от колокольного звона.

Вчера был утомительный день, но вечерний визит доверенного нового короля Венгрии, Бэлы Четвертого, пришлось кстати. Став королем, Бэла предпочитает посылать слуг для общения с ним. Да еще таких, как Иштван Гонеж. Он неглуп, но даже душа его принадлежит Бэле, а не Господу.

Епископ помнил каждое слово их разговора.

Перуджи смотрел на вечернего гостя слегка исподлобья. За долгие годы общения с паствой он наработал немало способов внушить человеку робость при общении со слугой его святейшества папы. Однако Иштван Гонеж был мало внушаем. Без тени смущения он смотрел на епископа, и голос его звучал тихо и твердо:

– Короли Венгрии долгие годы сеют зерна истинной веры вокруг себя.

Перуджи едва не ухмыльнулся.

– Мне ли не знать этого, достопочтенный Иштван.

Венгр поспешил утвердительно покачать головой и продолжил:

– И всегда помнили об интересах Римской церкви.

На этот раз Перуджи не смог сдержаться и недовольно повел головой. Как ловко этот венгр разделяет интересы веры и Римской церкви! Такое нельзя было оставить без ответа.

– Никто не может быть ближе к Господу, чем святая церковь. А у церкви единственный интерес – служить Всевышнему.

– Это так. И поэтому я перед вами, монсеньор. Наш король всегда не был безучастным к делам церкви. Не останется безучастным и сейчас.

Иштван смолк на мгновение, пытаясь увидеть заинтересованность на каменном лице. К тому же он считал не лишним напомнить Перуджи, на чьи деньги отправились искать далекую прародину венгров монахи-проповедники, но лицо епископа оставалось таким же каменным.

– Я знаю, из далеких земель вернулись проповедники. Король желает увидеть их и узнать лично о далеких землях Великой Венгрии.

– Да, Господь помог выполнить свой долг брату Юлиану из монастыря в городе Альба Регия. Когда его желает увидеть король?

– Чем раньше, тем лучше.

От этой фразы епископ Перуджи испытал сожаление. Он желал сам иметь беседу с королем, но пусть это будет брат Юлиан. У него умная голова. Ответил гордо:

– Все, что знает брат Юлиан и святая церковь, будет известно и королю. Есть немало опасностей, с которыми может столкнуться весь христианский мир. Королю Бэле надлежит знать это.

Иштван был весьма осведомлен о путешествии монаха из Альба Регии, но теперь король желал увидеть его сам. Напоследок он решил расположить к себе епископа.

– Именем короля я даю слово, что дела церкви всегда найдут поддержку в Венгрии.

Чуть помолчав, добавил с едва заметной ухмылкой:

– И за пределами Венгрии его верные подданные не забудут о служителях истинной веры. Последние слова понравились Перуджи куда больше всего остального.

Прошло несколько дней.

Епископ Перуджи, как обычно восседавший за своим столом, отвел взор от пергамента, лежащего перед ним. Тонкий звон колокольчика нарушил утреннюю тишину. Немедленно у входа показался худосочный монах.

– Пришел ли брат Юлиан? – сухо спросил епископ.

– Только что, монсеньор.

– Пусть войдет.

Немолодой седеющий монах вошел и склонил голову, ожидая благословения от первосвященника. Прошептав привычные слова, Перуджи перешел к главному:

– Я вижу, брат Юлиан, стены родной обители придали тебе сил. Всего несколько недель, а ты очень изменился.

– Монастырь в Альба Регии – лучшее место, какое только мне приходилось встречать в жизни, монсеньор. Молитвы с братией ко Всевышнему вернули мне силы.

– Да, милость Всевышнего беспредельна. Пусть даже не всем братьям он дарует почить в стенах обителей Христовых.

Епископ сделал паузу и многозначительно добавил:

– Пусть брат Герард покоится с миром на чужбине, а душа его пребудет в раю.

Оба осенили себя крестом.

– Готов ли ты, брат Юлиан, к новым свершениям во имя Господа?

– И тело, и душа моя принадлежат Всевышнему. Я со смирением и радостью исполню все, что будет поручено.

– Я знал, что истинные сыновья веры Христовой окружают меня... Слушай внимательно, брат.

Епископ разговаривал с монахом стоя. Теперь он вернулся к столу и, положив руку на стоящий на столе рядом с пергаментом ларец, произнес:

– Король Бэла много доволен услышанным от тебя. И я думаю, ты понял, что он разделяет тревогу церкви от такой зловещей опасности, которая может стать угрозой истинной вере Христовой... Пусть даже она еще так далека... В Риме вновь обеспокоены делами, творящи-

мися на востоке. С твоих слов брат Герхард в Ватикане записал все, что ты узнал и достиг в иных землях. Ты говорил о неведомых воинственных людях покоривших многие народы к востоку от великой реки Эдэль, которые настоль дики и жестоки, что живут только войной и разорением других. Их нельзя оставлять без присмотра. Его святейшество папа Григорий Девятый желает направить еще одну миссию в далекую Русию.

Перуджи вскинул голову. Проговорил сурово:

– Я выбрал тебя, брат Юлиан... И со мной согласны в Риме. Готов ли ты вновь отправиться в Русию, чтобы суметь предупредить великую опасность, грозящую нам с востока... – тут он сделал жест рукой и добавил изменившимся голосом: – Не забывая, конечно, о слове Божиим, обращенном к заблудшим душам.

– Я готов, монсеньор.

Рука первосвященника достала из такого же темного, как стол, ларца тугой кожаный кошель.

– Это серебро пригодится в дороге, брат Юлиан.

Следующим движением епископ выложил другой кошель. Ничуть не тощее.

– А это золото благочестиво даровал нам король Бэла, как и раньше не оставляющий богоугодные дела своей милостью.

Когда набитые монетами кожаные мешочки скрылись в одеяниях Юлиана, епископ еще раз взялся за колокольчик. Исчезнувший исполнять его волю, монах появился в сопровождении двух добротнo одетых мирян.

– Это верные подданные венгерского короля и смиренные слуги Господни: Аржа и Кантор. С ними ты отправишься в путь и всегда можешь на них положиться. Все, что должна узнать святая церковь, должен знать и король.

Миряне стояли, склонив головы, но Юлиан успел хорошо разглядеть их лица.

Епископ продолжал:

– Спутника ты выберешь себе сам. Есть ли у тебя кто на примете?

– Я давно не был под сенью своей обители, монсеньор, но в монастыре есть новый брат – Афанасий. Он молод, и Всевышний наделил его разумом. Он легко внимает иные языки. Я хочу взять его с собой.

– Он отправится с тобой.

Не удовлетворившись сказанным, Перуджи передал в руки Юлиану два свитка из того же ларца и закончил словами:

– Это послание королю Лаудамерии¹⁵ от его святейшества папы и охранная грамота для тебя и твоего спутника. Время торопит нас. Вы должны отправиться через день. На рассвете.

¹⁵ Лаудамерия – Владимирское княжество.

Посланники

Юлиан уныло смотрел по сторонам. Хотелось слезть с лошади и пойти ногами. Да где там! Разве угонишься за обозом, хоть и идет еле-еле. На глаза ему попался Афанасий, которого ничто не томило в дороге. С нескрываемым интересом слушал он чужую речь, вглядывался в лица людей. Его интересовало все.

«Пройдет немного времени, и от этого интереса не останется и следа. Придет тоска и усталость. Останется только чувство долга перед Всевышним и наместником его на земле. А пока молодость пусть греет страсть к неведомой стране, да и чужой язык он схватывает на лету и скоро станет неплохим помощником», – думал Юлиан.

Он посмотрел на пожилого рыцаря, сопровождающего их вот уже третий день.

«Конца нет этой дороге. Скоро месяц, как мы в пути, но, слава Отцу Небесному, все когда-то кончается, и этот путь подходит к концу».

Сам рыцарь ехал впереди. Только толмач¹⁶ постоянно находился рядом с ними, да двое воинов завершали процессию.

Присутствие толмача смущало.

«Надо быть осторожным. Не в первый раз приходится бывать в Руси, но так далеко впервые. Его святейшество папа не зря видит в этой далекой стране препятствие для продвижения истинной веры Господней. Много ли церковей пришлось встретить на пути... Только в городах в них нет недостатка... И людей не назовешь набожными. В далекие времена князь Владимир насаждал христианскую веру здесь с благословения Константинопольского патриарха. Но ничто не могло вразумить здешний люд – ни слово Божие, ни личный пример. – Монах тяжело вздохнул. – Как далеко это от того, к чему призывал Спаситель... Все в этой стране связано с властью... и если не власть и принуждение, не обретет здесь Римская церковь своей паствы».

«Как вера тесно здесь сплетается с мирскими делами... А разве где-то иначе? – Юлиан силился прервать поток своих мыслей, понимая, что еще немного – и они доведут его до богохульства. – Видит Бог, я готов до конца своих дней оставаться в этом краю и нести слово Божие людям... Будь на то воля Всевышнего и его святейшества папы».

За день лошади устали и шли тихо, размеренным шагом. Кое-кто из седоков начинал дремать, а упрямые мысли не давали Юлиану покоя. Трудный путь, проделанный им вместе с братом Герардом в поисках Великой Венгрии, снова возникал в утомленном длительной ездой сознании.

Тот день, когда они покинули стены родной обители в первый раз, был солнечным, как и теперь. Их было четверо братьев ордена святого Доминика, пустившихся в далекий и опасный путь. Добравшись до Константинополя, они плыли много дней вдоль побережья. Пока не достигли Матрики¹⁷. Оттуда начались их скитания.

Вначале все складывалось удачно. В землях, проходимых ими, находилось много язычников, принявших веру Господню. У них были гостеприимные обычаи. Но идти дальше становилось все труднее. Менялись земли, менялись люди. Пройдя через великую пустыню, они оказались в большом разноязыком городе, с множеством сарацинов. Холодная зима встала преградой на их пути. Они перебивались милостыней и стараниями брата Герарда, мастеровившего ложки из дерева. Когда подступившая нужда дошла до крайности, решено было двоим самым молодым идти в рабство, чтобы остальные могли продолжить путь, но не нашлось ни одного желающего купить ничего не умеющих делать рабов. Волей случая их отправили обратно. А для Юлиана с Герардом тогда наступили новые испытания. Они голодали и изнывали от жажды

¹⁶ Толмач – переводчик.

¹⁷ Матрика – город и местность на побережье Кавказа.

в сухих степях, но не это оказалось самым опасным. Язычники, с которыми они отправились в путь, чуть не убили их, думая, что они имеют золото.

Юлиан невольно осенил себя крестом.

Только волей Всевышнего они остались живы и смогли добраться до людей. Брат Герард тогда тяжело заболел. Новый город был негостеприимным. Сжалившись над ними, их приютил в своем доме сердобольный сарацин, где и почил брат Герард, утомленный многими трудами.

В памяти остались его слова. В последний день своей жизни слабеющей рукой Герард взял руку Юлиана и произнес: «У тебя много сил. Ты сумеешь найти».

И ангелы унесли его душу.

От тяжести воспоминаний Юлиана бросило в жар. На лбу выступили капельки пота. Он поерзал на седле и украдкой смахнул их со лба.

После было еще много лишений, но слова Герарда остались в душе Юлиана, и он выдержал. Нашел далекую прародину и выполнил свое послушание.

В стране башкордов его приняли с уважением. Ему был понятен их язык, а они понимали его. Для него были открыты и их жилища, и их души, несмотря на то что все они были язычниками. Жизнь их была суровой. Они не пахали земли и не сеяли хлеба, но имели много скота. Этим и жили. Ели мясо и пили конское молоко и кровь животных. Искусно владели оружием и немало воевали.

Но в недобрый час нашел он землю предков. Большая беда пришла издалека. Воинственный и злой народ, называвший себя татарами, покорил все земли вокруг. Стремился захватить земли башкордов, но не сумел. И поспешил заручиться их поддержкой. Юлиан видел татарского посла и даже говорил с ним. Тогда он понял, какая опасность для всего христианского мира исходит от этого кочевого народа, не знающего страха Божьего и милосердия, и поспешил вернуться в Венгрию...

Тем временем заметно стемнело. Близилось время ночлега, и Юлиан поспешил отвлечься от утомивших его мыслей.

Селений постепенно стало попадаться все больше, и к концу дня они почти добрались до Владимира. Последнюю ночевку в дороге они провели в имении сопровождающего их вельможи. А на следующий день к полудню путники вступили в стольный град.

Много на своем веку пришлось повидать Юлиану. Много он видел городов на чужбине, но и в этом было что посмотреть. Владимир встречал их колокольным звоном на Успенье Пресвятой Богородицы.

Вытянутые купола соборов давно привлекли внимание Афанасия. Он решил спросить об этом Юлиана.

– Скажи, брат, отчего купола на здешних храмах имеют такую форму? Ведь в Византии принята правильная полусфера купола.

Юлиан задумчиво посмотрел на него, не спеша ответил:

– Это суровый край, брат Афанасий, и зимой здесь все покрыто снегом. Такая форма не дает снегу держаться на куполе... Заимствовав форму полусферы у архитекторов Византии, здешние мастера приспособили ее для этих мест.

И обратился к толмачу, который не отходил от них ни на шаг:

– Правильно ли я понял суть, Прокопий?

– Сушая правда, добрый человек. И зимой и летом сверкают купола, и никакой снег на них не держится.

Прокопию понравились слова Юлиана. В этом монахе-ромее¹⁸ чувствовалась житейская мудрость.

¹⁸ Ромей – латиноговорящий иноземец, подданный Рима.

Юлиан же про себя отметил: «Давно, видать, Афанасий думал об этом, но спросил только сейчас, чтобы толмач тоже слышал... правильно сделал. Все расспросы хороши к месту. И толмач доволен... Нужно ладить прежде всего с ним».

С купцами, Аржей и Кантором, на этом дороге разошлись. Вельможа поручил заботы о них Прокопию и уехал.

Просторное жилище, куда их привели, мало походило на монашескую келью. Чувствовалось, что они в гостях у знатного человека. Хотелось отдохнуть.

Прокопий, степенно прохаживаясь, показывал светлицу.

– Вот тут, люди добрые, и обитать будете. Я завсегда рядом... Ну а коли, случится, не будет меня, Парамошка вас не оставит, – он мотнул головой в сторону молодого служки и собрался уходить.

Юлиан остановил его:

– Позволь узнать. Как скоро мы сможем увидеть великого князя владимирского Юрия?..

– Сие одному Богу известно, но могу сказать: князь хоть и не молод, да на дела скор. Узнаете тотчас, как будет получено дозволение.

Прокопий с юнотой вышли, оставив ромеев наедине. На улице, таясь, он сказал Парамошке:

– Приглядывай, – и пошел прочь, думая, однако, про себя: «Люди как люди. Во Христа веруют... А все как-то не то. Не знаешь, откуда лихо нагрянет».

Во Владимире

Стольный Владимир сверкал златоглавыми соборами. День стоял праздничный. На Иоанна Крестителя во всех церквях собиралось множество народа. А там, где народ, там и торг широкий, и людей торговых полно. Благо и князь сему делу покровитель. С того и иноземные купцы стали частыми гостями во Владимире. А кому с того худо? Весь окрестный люд норовил в такой день во Владимир попасть. Коли мошна¹⁹ не пуста, грех нужный товар обойти. И казне княжьей прибыток. В такой день появились во Владимире два монаха-доминиканца.

О прибытии посольства великому князю владимирскому Юрию Всеволодовичу было известно заранее. Прошла целая седмица²⁰, как навстречу им был отправлен боярин Акинфий.

Акинфий Лукич устало покачивался в седле. Сказывались годы. Много ли в седле провёл боярин, а уже притомился. Из-за этого и ночлег пришлось устроить на самом подходе к Владимиру. Да и подумать было о чем. Почти всю ночь он не сомкнул глаз, а с рассветом снова в дорогу.

Нет, не о том, что именно ему выпало встречать дальних гостей, были его думы. Не в первый раз. Да и язык их только он да дьяк Прокопий разумел. Кому же, как не ему, такое дело было поручить. Да слова, случайно ли оброненные ромеями, заставляли задуматься:

«По всему видно, наслышаны они про наши заботы. Когда Прокопий рядом, молчат, как с водой во рту...»

Но думы думами, а Владимир был перед ними.

Хоть и не молод был боярин Акинфий, однако дело свое помнил. Редкий приезжий купец ускользал от его очей во Владимире. Приставленные людишки зорко присматривали за пришлым народом. Да и со своими, владимирскими, знали. Купец он ведь и есть купец – нос по ветру держать должен, чтоб мошна тяжелела. И к кому, как не к нему, вести собираются. Сам Акинфий такой дружбы не сторонился, а иных, что вдалеке корысть имеют, привечал. Когда и поручал чего не в службу, а в дружбу. Так долгие годы и был княжьим оком. И видели его очи куда дальше Владимирской земли.

Устав от своих дум, Акинфий Лукич вздохнул с облегчением, лишь он увидел Владимир. Пристроив гостей у себя под боком, боярин заспешил к обедне.

Церковь Успенья Пресвятой Богородицы была переполнена именитым людом. Из всех князь с домочадцами выделялся особо, стоя почти перед самым алтарем. Справа сыновья с женами, слева княгиня с младшими дочерьми. Дальше ближние бояре с семействами, и поодаль народец попроще.

Акинфий пробираться к князю не стал. Встал в сторонке, ждал конца службы. Только дорогие дорожные сапоги выдавали в нем человека непростого, с достатком. От цепких очей не ускользнуло, что ближе всех к князю стоит его давний недруг Тимофей Кряж, но это не тревожило Акинфия. Кроме него с Петром Оследюковичем да Еремея Глебовича, никто не стоял ближе к великому князю Юрию Всеволодовичу. И то, что сам Оследюкович недобро посматривает на своего зятка Тимофея, тоже не прошло мимо глаз боярина.

«Нашептывает что-то князю... Молодой да ранний... Не меня ли приметил?» – подумал боярин.

Так оно и было. Не успел боярин Акинфий подъехать к церкви, как о том уже знал Кряж и, улучив подходящее время, нашептал князю.

¹⁹ Мошна – кошель с завязками.

²⁰ Седмица – неделя.

Князь выслушал, не проронив ни слова. Мирские дела не оставляли его даже в Божьем храме. Куда больше послов заботили его дела насущные. Прошлогодний недород и обветшалый детинец²¹...

Судьба владимирского великокняжеского стола никогда не была простой на Руси. Став великим князем владимирским и суздальским после безвременно почившего старшего брата Константина, Юрий сумел поладить с младшим братом Ярославом и тем укрепил свою власть. Братской любви между ними не было. Разными они были людьми, но многое связывало их после смерти отца, Всеволода. Волей или неволей сводила их судьба. Вместе вставали они против старшего Константина в удельном споре. Вместе и были побиты Ярославовым тестем – Мстиславом Удатным, вступившимся и за новгородские вольности, урезанные норовистым зятем, и за старшего брата Константина.

Но то дело прошлое. Сам Константин, чувствуя скорую кончину, приблизил к себе Юрия. Теперь Юрий Всеволодович – великий князь по праву.

У Ярослава свои хлопоты с Новгородом да черниговским князем Михаилом. Не простил Ярослав, что предпочли ему Михаила новгородцы, хоть и княжил тот в Новгороде недолго.

Вновь ныне сошлись интересы братьев на Руси. Теперь уже далеко от Владимирской земли. В самом Киеве. У каждого была своя корысть, но дело общее. Верил Юрий Ярославу. Не поднимется у него рука на брата. А в исконной Руси, где что ни год, то новая усобица, свое око ох как потребно. Хорошо помнил Юрий рати Мстиславовы.

«Такой крутой нравом князь, как Ярослав, и надобен по сему времени в Киеве», – рассудил он.

Но более всего будоражили его разум не соседи, которые, чуть ослабни, так и норовили чужой кусок урвать, а тревожные вести из степи. Опять в степи объявился неведомый пришлый народец, и вот задвигалась неведомая Руси степь, предвещая лихо.

Следующим днем собирался Юрий, умерив свою гордость, на встречу с братом.

А верно подметил боярин Акинфий, недобрым оком посматривал Петр Оследюкович на Тимофея. Давно много что не нравилось ему в зятюшке. И гордость его, и прозвище – Кряж. Знал, что за пошиб²² тот едва откупился и под епитимией²³ не раз ходил за то же, а все одно выдал за него свою любимицу дочь – Ольгу. Ведь ловок бес и богатство в достатке. Да и голова есть, коли, несмотря ни на что, в ближних у великого князя оказался. А сейчас и вообще разошелся. В подручные метит.

Прошло без малого одиннадцать зим с той поры, а сердце так и ноет, как увидит он дочь свою. И та эта Ольга, что была, а присмотрится – и не та совсем. И не потому, что стоит она теперь среди именитых семей владимирских со своими чадами, – нет в ней прежнего света, что так радовал боярина Петра. Мрачная баба и только.

Помнил Петр тот день, когда объявил он дочери, что выдает ее за Тимофея. Век будет помнить, не забудет. Заунывный голос певчих навевал на него воспоминания.

Петр еще раз оглядел дочь. Ольга же недоумевала, почто ее отец в послеобеденное время выкрикнул, когда время сна подоспело.

Помолчав, Петр начал говорить:

– Вот што, доченька. Минуло тебе уже семнадцать зим. С уговором ко мне пришли. Хотят люди именитые тебя сватать. За человека видного, небедного. Да ты его знаешь. Сын то боярина Степана – Тимофей.

Померк свет в Ольгиных очах. Как ни скрывай, а от людей все грехи не скроешь. Бросилась она к отцу в ноги:

²¹ Детинец – крепость, иногда крепость внутри городских стен.

²² Пошиб – изнасилование.

²³ Епитимия – церковное наказание.

- Чем же я провинилась пред тобою, батюшка?
- Полно, полно. Ни в чем ты предо мной не виновата.
- Пошто же губишь меня? Али не ведаешь ты, каков он?

Поднял Петр дочь свою с колен, обнял.

– Все я ведаю, Оленька, но иначе не сладится. Одно хочу, чтоб знала ты. Не отдал бы я тебя за него никогда, коли бы братья твои на тебя были похожи. Да где им. Грамоту и ту который год осилить не могут. Не дал им Бог столько разума. Да и вои будут не первые. Опасаюсь я. Не защитят они свой род, как меня не станет. Потому, пока я в силе, иди за Тимофея смело. Обидеть тебя он не посмеет. Роды чад своих, а там и они тебе опорой станут. Об этом помни. А вотчины наши пооскуднели крепко. Ждать более нельзя. Я тебя не торопил, а годы-то уходят.

Долго стояли они тогда обнявшись. Долго утешал дочь боярин. И смирилась она.

Петр украдкой взглянул на дочь, стоявшую теперь вдальеке от него. Опять заныло сердце. Ох и приложил бы он зятька, ничего бы не убоился. Одно только дочерино слово – и приложил бы. А за что? Ох и знал боярин за что, ох и знал.

Взор его остановился на старшем внуке. «Одна отрада: пошел сын в мать, не оставил Бог молитвы». И он истово перекрестился вслед за всеми.

Служба подошла к концу. Народ расступился, пропуская князя со свитой. Акинфий не спешил подойти. Стоял в стороне. Князь сам отыскал его. Дал знак.

«Этот не Тимоха – наперед всех лезть не будет, – подумал он одобрительно. – Одна печаль – стар уже, хотя промашки еще не давал».

Из церкви они вышли вместе. Немного отъехав, Юрий спросил:

- Што послы?

Акинфий, ждавший разговора, тихо проронил:

- Темный народ... Всем им одного надобно.

Что им надо, князь понимал не хуже Акинфия. Лишь недавно он повелел отправить четырех латинян прочь из княжества, когда те под видом путников стали проповедовать римскую веру. Всеми правдами и неправдами Римская церковь стремилась расширить свои притязания на Руси... Но вслух произнес:

– Препятствий не чини... Пусть под присмотром разгуливают... А через седмицу-другую приводи.

Юрий мотнул головой:

- Езжай.

Акинфий свернул в сторону и краем ока подметил, как рядом с князем опять приспособился Кряж.

Владыка

Вернувшись с обедни, владыка Митрофан, прежде чем отобедать и отойти к дневному сну, по обыкновению занимался хозяйственными делами. Епархия требовала хозяйского ока. С тех пор как Андрей Боголюбский возвысил Владимир, минуло много времени, но дела его жили и приумножались новыми князьями и трудовым людом. Строились храмы, богатели приходы. Владимирская земля превратилась в одну из богатейших епархий. А больше дохода – больше забот. Без толкового помощника не обойтись. Немало было таких у владыки, но одного, протодьякона²⁴ Акима, он выделял особо за его честность и житейскую сметку, которая простиралась куда дальше амбаров и скотниц²⁵.

– Итого, батюшка, на нынешний день такой расклад получился, – Аким старательно выкладывал на счетах епархиальные расходы и доходы, – большой расход вышел. А коли бы великий князь на золочение храма Пресвятой Троицы не пожертвовал, то и в убыток бы вошли.

Искоса Аким поглядывал на владыку Митрофана, зная его нрав:

«А ну как не поверит? Хошь на богоугодные дела он доходов не жалеет, за растрату спрашивает строго. Это с виду он такой отрешенный, а седая голова не хуже его вместе со счетами». Но протодиакон беспокоился напрасно.

– Не каждый день такой расход, Аким. Много хороших дел сделано. Да и не для того скотницы наши, чтоб в них гривны²⁶ грузом лежали... Все наше добро людьми множится во славу Божию. – Владыка встал и перекрестился на огромный образ Спасителя, взирающий на них из красного угла. Аким поспешил сделать то же самое, но не уходил.

– Ступай с Богом, Акимушка. Свое дело ты сделал добро. – Владыка повернулся к протодьякону. – Али еще есть чего молвить?

– Есть, отче... Есть. Сказывают, ромеи в городе объявились...

– Што с того... Владимир город торговый, не впервой сюда гости издалека съезжаются.

– То не гости, отче... Монахи ихние. Сколь годов на свете живу, а такого не помню. У боярина Акинфия остановились.

– От кого узнал?

– Да от челяди²⁷ боярской и узналось.

Внутреннее, душевное спокойствие владыки стала сменять нарастающая тревога, но этого он не желал показывать никому.

Так же тихо повторил:

– Ступай, Акимушка. К обеду время.

Оставшись один, он думал о случившемся: «Давно легаты²⁸ римского папы тревожат Русь... В Киеве их увидеть дело привычное, но сюда, в Залесский край, нога их еще не ступала...»

Владыка присел на лавку. Взгляд его упал на тяжелую епархиальную книгу, оставленную, по обыкновению, Акимом, как того он требовал сам: «Пошто они сюда? Опять бередить раны давним расколом... От ереси нам и так отбоя нет. Хвала Спасителю, князь Юрий Всеволодович

²⁴ Дьякон – церковнослужитель на один ранг ниже священника. Протодьякон – главный дьякон в епархии при кафедральном соборе..

²⁵ Скотница – сокровищница.

²⁶ Гривна – древнерусская денежная единица (существовали серебряная и золотая гривна). По виду металлический брусок весом около 200 г.

²⁷ Челядь – прислуга.

²⁸ Легат – доверенное лицо, посол.

в вере тверд. Немало тому подтверждений. И щедрость его известна... Но будет день, будет и пища. Всевышний не оставит верных раб своих».

Братья

Ярослав Всеволодович был моложе своего среднего брата – великого князя Юрия. Но резкий нрав и немалые испытания, выпавшие на его долю, состарили его раньше брата. Лишь бойкая поступь и осанка выдавали в нем человека, полного сил и стремлений. Своей долей князь не тяготился. Сколько раз приходилось оставаться в жизни битым, а все одно судьба хранила его. Даже битые старшим Константином оба брата не оставались без удела. А ныне, когда минуло уже столько зим, о былом стыде вспоминать не хотелось. Много бы что сделал не так Ярослав, вернуть бы то время, да былого не воротить.

Однако Константин, когда стала прибираться его хвороба, поступил по уставу. Передал великокняжий стол Юрию. Ярославу же отошел Переславль, а позже и Господин Великий Новгород перестал противиться его воле. Приглашал к себе, не помня старых обид, где и княжил он вдалеке от родного брата по своему разумению. Пусть дерзкая мысль о великом княжении и не раз подступалась в его разум, но дальше дело не заходило. Помнил и он, что вряд ли на кого, кроме родного брата, может положиться, случись чего.

Но встать вровень с Юрием желал он страстно, быть младшим и вторым было ему не по нраву.

Вольный Новгород князей хоть и приглашал, но жаловал не сильно. Жил своею, отличною от других земель Руси жизнью. Тон всему задавал посадник, да и архиепископ Новгородский властью обладал сильной. Не первое и не последнее слово оставалось за князем. Потому держался Ярослав Новгорода, но мысли свои и дела направлял на юг. И даже к самому Киеву, где княжеская власть ослабла давно. Немало охотников объявлялось на княжение киевское. Стать киевским князем в исконных землях значило стать равным Юрию. Почет был велик. Недаром охотников на киевский стол меньше не становилось.

Ярослав, ехавший с меченошей²⁹ впереди всех, повернулся в седле и позвал вполголоса: – Елизарий...

Тут же из кучи всадников отделился верховой.

Остальные придерживали коней, уступая дорогу. Чтобы Ярослав Всеволодович, да повернувшись в седле, кого звал – случалось нечасто. Скорее зыкнет, едва повернув голову, и все тут. Видать, надобность словом перекинуться великая приспела.

– Как приедем в Торжок, коней не распрягай. Так в узде пусть и стоят. Чаю, долгим разговор не выйдет. Неча воду в ступе толочь... И ночевать в Торжке не останемся, – Ярослав говорил необычно тихо.

Елизарий лишь молча кивал головой. Не осмеливаясь перечить.

Днями прискакал посланец к Ярославу от брата – великого князя Юрия. Честь меньшему брату была оказана немалая. Не к себе во Владимир требовал Юрий Ярослава. По-братски предлагал встретиться в Ярославовых владениях. Потому и лежала теперь дорога новгородского князя к Торжку.

– А коли великий князь ранее нас заявится? – решил все-таки спросить Елизарий. – Кабы не осерчал... Вельми припозднились мы с дорогой. И не встретивши, и не проводивши...

Ярослав оборвал его:

– Не твоя кручина. – Он махнул плетью, отпуская боярина.

Елизарий поспешил отъехать, в душе сожалея о сказанном.

Ярослав же думал: «Ничего, ежели и подождать придется братцу. Чай, сам звал...»

Однако великий князь приехал в Торжок много позже Ярослава. Так что и лошадей распрягать, и ночевать пришлось в Торжке. К немалому неудовольствию Ярослава Всеволодовича.

²⁹ Меченоша – меченосец.

Встреча на княжеском подворье получилась холодной, но ни тот ни другой на людях своего недовольства не выставляли. Встав из-за гостевого стола, говорить отправились наедине.

О чем пойдет беседа, догадывался Ярослав, но с чего бы брату вдруг в его дела с Михаилом Черниговским вступать захотелось, этого он в толк взять не мог. Много обид накопилось между князьями из-за Новгорода, и ладить дело миром с Черниговом Ярослав не собирался. Про себя думал, что не обошлось, видать, без сестры Михайловой – жены Юрия, а потому решил не уступать ни в чем.

Дело шло к ночи, когда сели они один напротив другого за широким, накрытым темно-красной скатеркой столом. По родственному обычаю, расспросив о житье-бытье, Ярослав ждал, о чем заведет беседу Юрий. Но владимирский князь не спешил говорить о деле. Медленно подводил разговор к своей сокровенной мысли:

– Слухи идут, брат, от торговых людишек, что прижимаешь кого с хлебной торговлей. Не вдруг стало жито в Новгороде сбыть... Уж не своєю ли жита стала земля родить вдоволь?

Ярослав встрепенулся:

– И кто же такие слухи про меня распускает?.. Тебе, брате, и не хуже меня ведомо, что князь над торгом новгородским власти не имеет. Что вече порешит, так и дееся.

– Ведомо-то ведомо. Да токмо гостей торговых с Чернигова да Киева твои стражи от Новгорода отвернули... Немало таких найдется.

Ярослав чувствовал, куда клонит Юрий. Весь нынешний день размышлял, с какой стороны зайдет брат. И на тебе. Зашел так, что либо сразу отрезать, либо прикрыться покорностью.

Сдержался. Мало ли каких дел вершится в Новгороде. На то и посадник есть.

– Скоко жита ни уродит земля, а за все хвала Господу... Но не припомню я лета, штоб хватало жита на Новгородчине. Все привоз важен... Ну а коли и завернули кого, дак мало ли чего помимо князя творится в Новгороде.

Про себя Ярослав думал иное: «Уж не Роман ли Твердиславич удумал вновь поклониться Михаилу Черниговскому... Посадник он крепкий... Людишки новгородские за ним идут. И впрямь не переметнулся бы ноне».

– Стоит ли, брате, о черниговских купчишках заботиться. Своих развелось, што воробьев. Разе им дорога в Новгород заказана... Да со всего Залесья везут свой товар к Новгороду. Лучшего торго на Руси и не сыскать.

Видел Юрий, как блеснули очи у Ярослава, когда заговорил он о черниговских купцах. Горяч братец. Вот и братья они, а один на другого совсем не похож. И нрав, и обычай у них разный. Сколько раз затевал Ярослав свару и с толком, и нет. Лез чаще напролом. Бивал он и папских рыцарей, не чтил и старый обычай с тем же Новгородом, но своего добился-таки, как представился последний радатель старины на Руси – тестюшка его, Мстислав Удатный.

Сам же Юрий, став великим князем, усобицу затевать не стремился. Редко на Русских землях обнажала мечи его дружина. Воевать больше приходилось за новые земли с мордвой. И с недалекой Булгарией то и дело разгоралась вражда из-за тех же земель. Другие мысли запали ему в голову. Был он человеком книжным, и многое из далеких времен, скрытое от других, открылось ему. Желание вернуть Мономаховы времена, когда окрепшая после раздоров Русь вновь смогла обрести единение, жило в сердце великого князя. Понимал Юрий, что не во всем был прав Владимир Мономах, с его руки размножились на Руси уделы. Но то дела уже прошлые, думать следовало о дне нынешнем.

Доверить такие мысли Юрий не мог никому. Если даже родной брат и то нет-нет да и сверкнет волчьим оком. Потому все делал исподволь, не открываясь.

Он широко улыбнулся:

– То верно... Дело торговое прибыльное, но есть, что прибылей дороже... То Русь, брате. Чем меньше на Руси свары, тем она сильнее. А силы нам, глядишь, и понадобятся вскоре. Напастей на Руси всегда хватает. И не токмо от папского ордена она к нам идет...

От скрытого волнения в горле его пересохло. Он взял подле себя наполненный медом кубок и осушил до дна. Продолжал не спеша, подбирая правильные слова:

– Булгары за Волгой попритихли совсем. И мордва за ними унялась будто. Пургас³⁰ уже который год из своих владений не вылезит. Спокойней стало на порубежье... Да неспроста все. Снова из заволжских степей подступают к ним нехристи. И что у них на уме, нам неведомо. Много надо иметь силы, чтоб отвратить напасть от Руси...

Ярослав, не ждавший такого оборота от Юрия, недоуменно слегка повел плечом.

– Стоит ли, брате, наперед о том печалиться. Били этих пришлых булгары. А Русь велика... Об нее и зубы свои обломать возможно. Не решились же они зараньше на набег, хоть и была им удача.

– Вся далекая Хорезмия побита и разграблена ими. Об этом забывать не след, но думать надо о своем... Ты, Ярослав, купчишек черниговских отвадил. Ссоры с Михаилом Черниговским вновь ищешь... Пусть так... В этом я тебе поперек не встану и, ежели чего, пособлю.

– ... Не со мной ли ратью идти на Чернигов с Киевом собрался, брате? – Ярослав посмотрел на Юрия, чуть прищурившись.

– Ратей для сего у тебя и самого в достатке. А помочь помогу не хуже, чем дружиной своей... Те же людишки торговые в тех местах и разнесут, что великий князь за брата Ярослава встанет...

Смутил Юрий Ярослава такой речью. Не чаял такого услышать он от брата. Думал недолго.

– И что же тебе за корысть, брате, в такую свару влезать? Кто знает, как минет год-другой, что с сего выйдет. Иль с Даниилом, иль уграми³¹ схлестнуться придется.

– Не Даниил с уграми для исконной Руси ныне страшен, Ярослав. Иная ныне напасть, говорю тебе.

Ярослав тревогу Юрия не разделял. Дела новгородские занимали его больше далекой и непонятной угрозы, но прямой союз с братом в борьбе за киевский стол был ему на руку именно сейчас.

– Подмога от тебя, брате, любая по сердцу. Но чаю я, взамен чего потребуешь.

Юрий ухмыльнулся и мотнул головой:

– Ничего мне не надобно. Лишь одно помнить нам обоим надлежит... Коли случится чего, стоять друг за друга. За всю Русь... Людей-то в твоей власти куда как прибавится. Исконные земли живут небедно. И рати, глядишь, грозней станут.

Помолчали... Выпили еще меду. Но теперь и Ярослав не спешил с ответом. Юрий сам благословил его стать равным себе. Ответить нужно было с достоинством.

Но Юрий решил поторопить его:

– Кого вместо себя в Новгороде оставишь?

Ярослав ответил задумчиво:

– Александра... Пусть обвыкает быть князем новгородским.

Рано поутру князя разъехали из Торжка в разные стороны.

³⁰ Пургас – мордовский князь начала XIII в. Возглавил политическое объединение ряда мордовских племен, союзник Болгарии Волжско-Камской. В 1229 и 1232 гг. разбит великим князем владимирским Юрием Всеволодовичем.

³¹ Угры – венгры.

На владимирском торгу

Несколько дней прошло в ожидании. Владимирский князь не спешил принимать римских посланцев, но время бежало быстро. Приставленный человек, звали его Парамоном, на расспросы отвечал, что князь «зело занят». Это настораживало, но взаперти их никто не держал. Сегодня же сам Прокопий вновь повел их по городу.

День стоял воскресный. Афанасий, как обычно, с удовольствием вглядывался по сторонам. Много ли он еще видел в чужом краю...

Другое дело Юлиан. Его больше интересовали люди. А они большей частью совсем не выглядели угрюмыми. Из-за принятого напитка, называемого медом.

Город гудел, как рой растревоженных пчел. На базарной площади, да и на соседних улицах бойко шла торговля. И что немало удивило Юлиана, слышалась знакомая речь. Торговцы, с которыми они прибыли во Владимир, явно не были единственными иноземными гостями. Именно с хозяином обоза Кантором должен был передать свое первое послание Юлиан.

Какой только люд не заполнил базарную площадь в этот солнечный день! В таком людском месиве найти Кантора удалось не сразу. Они долго бродили среди торговцев. Иногда Юлиан приценивался к товару или вступал в беседу. Но недолго, лишь только раз не удержался – купил затейливо вырезанный гребень из рыбьего зуба. Зато Афанасий вертел головой в разные стороны, стараясь увидеть всего побольше. А завидев, как рыжебородый мужик, окруженный весело гогочущей толпой, схватился бороться с медведем, отстал и едва не потерял своих.

Зрелище того стоило. Ревущий медведь становился на задние лапы и пытался схватить смельчака зубами, но ему мешали кожаные ремни, стягивающие пасть. От бессилия медведь ревел все больше, а люди кричали все сильнее, подзадоривая смельчака. Афанасий стоял чуть поодаль от толпы, но все происходящее было перед ним как на ладони. Бессилие могучего лесного зверя вселяло в него смутную тревогу, несмотря на царящую вокруг веселость. «Что может привлекать в этом диком зрелище?» Отвращение к дикости и любопытство к невиданному соединились в нем.

Однако и сам молодой монах привлекал внимание. Снующие подле люди таращились на длиннополое, коричневого цвета одеяние стриженного под горшок долгоязого иноземца с жидкой бородашкой.

Его кто то тихо тронул за рукав. От неожиданности он резко повернул голову, но сразу же успокоился. Юлиан стоял перед ним. Заметив, что Афанасия нет рядом, он поспешил вернуться. Народа становилось все больше, а большой торговый город таил в себе много опасностей для несведущего иноземца.

– Пойдем, брат. На забавы русов ты еще насмотришься. Здешний люд еще не видел слуг его святейшества так близко. Нам лучше быстрее найти Кантора.

– Но какой же силы этот рус, брат Юлиан! Он мог бы попасть на службу королю или стать великим воином...

– Может быть, его судьба и станет такой даже здесь, если престанет туманить хмелем голову.

Юлиан посмотрел в сторону.

Дюжий мужик поднес большущий ковш рыжебородому. Медленно, не отрываясь, победитель осушил его и бросил о землю, вызвав новый гул одобрения.

Афанасий с сожалением отвернулся.

Прокопий неотступно держался рядом с ромеями.

Кантор торговал чуть ли не на самом бойком месте. Таких, как он, было немало вокруг. Прямо перед ним предлагал свои ткани узкоглазый неместный торговец с юрким взглядом. Людей около суконных рядов скопилось так много, что гостям пришлось обождать, пока

появится хоть какая-то брешь в этом людском месиве. Наконец поток схлынул, и Юлиан первым сумел протиснуться к Кантору, оставшемуся как раз без покупателей.

– Я вижу, Бог помогает тебе в твоём ремесле, Кантор.

– Кто помнит Бога, того Он не оставляет своей милостью, отец Юлиан.

Сияющую улыбку на лице иноземца сменила едва заметная лукавая усмешка. Но завидев Прокопия, торговец вновь лучезарно заулыбался. Он помнил толмача и услужливо залепетал на корявом русском языке:

– Не желает ли рыцарь купить вот эту паволоку³²? Её осталось совсем мало. Рыцарь никогда не пожалеет о покупке.

– Отчего же не купить. – Прокопий пощупал подsunутую купцом добротную материю: – Коль не токмо товар, но и цена неплоха будет.

То ли Кантор назвал цену громче обычного, то ли среди базарного шума наступило затишье, узкоглазый торговец, разложивший свой товар неподалеку, повернул голову. Услышанное насторожило его, узкие глаза ещё больше сощурились. Цена была бросовой, а товар превосходный. Краем глаза Богаз теперь неотступно следил за покупателями в необычном одеянии.

Продолжая улыбаться, Кантор обратился к Юлиану, разводя руками:

– С такой торговлей я скоро распродам весь свой товар.

Юлиан молча, не таясь, протянул ему пергамент, понимающе покачивая головой, пока Прокопий с усердием разглядывал только что купленную ткань.

Хитрый боярский служка ничего не пропускал мимо себя, он даже уловил настороженный взгляд купца-булгарина напротив. Сам же старался угодить гостям, думая про себя: а что бы и не взять паволоку-то? Бога и службу он не забывает, а в этом грех невелик. Ухмыляясь, он сделал вид, что ничего не видел.

В тишине боярского терема проходил день за днем, не давая Юлиану забыть о самом важном деле, доверенном ему втайне епископом Перуджи. Поток товаров из далеких восточных земель заметно ослабел. Процветающий Восток, покоренный степными кочевниками, подвергся страшным испытаниям.

Память об ужасных гуннах, завоевавших в далекие времена Европу, внушала опасения не только королю Бэле Четвертому, но и самому папе. Здесь, во Владимире, об них должны были знать куда больше.

Приглашение ко двору великого князя пришло лишь на четвертой седмице от приезда.

Ранним утром их разбудил Парамошка, и вскоре в сопровождении боярина Акинфия они оказались в княжеском тереме.

Толмач не потребовался. Поприветствовав князя на родном языке, Юлиан прочел пергамент, писанный рукой самого папы, и как можно степеннее передал его Акинфию. Юрий Всеволодович не спешил с ответом. Изрек сдержанно:

– За добрые слова прими благодарность мою и всего народа владимирского.

Головы монахов склонились в знак почтения.

– Как понял я, желает папа римский иметь тебя посланником во Владимире... И токмо это?..

Юлиан посмотрел на убеленного сединами православного священника и понял: «Ничего просить нельзя... Курица по зернышку клюет. Бог даст, дойдет дело и до другого».

Он не зря проводил время на Владимирском торгу. Судьба четырех неизвестных братьев-проповедников, выпровоженных недавно из Владимирской земли, лишь только они посмели вслух заговорить о римской вере, была известна ему.

– Только это, государь, в знак дружбы между Лаудамерией и папским престолом.

Пауза опять затянулась.

³² Паволока – дорогая иноземная ткань.

– Да будет так... Отныне ты, ромей Юлиан, являешься доброй волею народа нашего и моею властью признанным посланником римского папы во всей земле Суздальской и Владимирской.

К Юлиану подошел Акинфий и передал княжеский свиток.

Пятясь, ромей вышли из светлицы.

Кряж

Тимоха Кряж сызмальства рос задирой. И с ребятишками на кулачках подраться, и девчонок за косу потаскать – для него забава любимая. А как подрост, и вовсе проходу от него не стало. Особенно молодым обельным³³ робам.

Старший Кряж драл сына каждую седмицу. Одно дело удаль свою на кулаках показывать, другое – девок караулить. Но помогало слабо. Хотели его оженить поскорее, да сваты возвращались ни с чем: мол, поумнеть бы жениху не мешало. Так и шло время до случая. Одиножды и вовсе ввел отца в убыток. За пошиб пришлось из-за него по «Правде»³⁴ на волю отпустить из кабалы молодую робу. Не обошлось одной епитимией на тот раз. Старший Кряж так разошелся, что чуть не заперол. Мать кинулась и закрыла сына собой. Досталось и ей, но не сильно.

Целый месяц проболел Тимофей, а после стал молчалив. Поглядывал часто исподлобья волком. Отца сторонился. А когда пошла ему семнадцатая весна, и будто переменялся. Нет, девок не забывал, но стал степеннее. Грамоту всю освоил. И даже по-латыни писывал. Вместо кулачных боев больше к воинскому делу приобрел тягу. И вслед за отцом к княжескому терему получил дорогу.

В расторопность его поверили не сразу, сошелся он со старшим сыном князя Юрия Всеволодовича – Владимиром и за этим пошел в гору. Старший княжеский сын был хоть и крепок, но сметлив мало. Такого бойкого дружка, как Кряж, ему как раз и недоставало.

Но Тимофей Кряж только в дружках ходить не желал, стремился перед великим князем себя показать. И мало-помалу стал при нем не последним человеком.

Князь Юрий докучал несильно. Служба княжеская была для Тимофея не в тягость. Забавы да пиры стороной не обходил. Стал женихом не сказать, что завидным, но сосватали за него дочь Петра Оследюковича – не последнего боярина при великом князе. Чем не жизнь.

Шло время, и завертела его служилая доля. Сам того не ведая, прикипел он к князю и без забот княжеских тяготился. В имениях бывал редко, да и детишек с женой видел и того меньше. Меньше стал шастать и по пирам, больше стремился на охоту. И душе спокойней, да и озорнуть, потешить душу можно.

Княжич Владимир остался ему товарищем. Виделись они теперь реже, как доверил великий князь своему старшему сыну блюсти Москву, но на соколиный лов вдали от великокняжеской свиты выбирались с Тимофеем по-прежнему.

Владимир ехал впереди с крупным темным кречетом³⁵ на вытянутой руке. Соколятники держались возле него. Птица, недовольная долгим сидением, помахивала крыльями. Мешочек на голове лишал ее возможности двигаться. Кречет то и дело перебирал когтями кожаный рукав на руке у Владимира.

Тихая заводь встречала ловцов урчанием лягушек и редкими криками болотных птиц. Охотники остановились за густой ракистой на бережку, присматриваясь вокруг. Среди кочек и островков тростника, осторожно перебирая лапами, бродили несколько серых цапель.

Тимофей, державшийся в стороне, толкнул зазевавшегося служку плетью.

– Шугни-ка малость.

Очередь пускать птицу была за княжичем. Сокол же Кряжа сидел на руке соколятника мирно с таким же кожаным мешком на голове.

Лохматый парубок, прячась за кустами, пробрался камышами к самой воде. Вынул из-за пазухи деревянную дудку. Резкий прерывистый звук вспугнул болотную живность. Вместе с

³³ Обельный – полностью подчиненный хозяину.

³⁴ «Правда» – здесь: свод законов князя Ярослава Мудрого.

³⁵ Кречет – сокол.

цаплями, оглашая окрестности, в небо вспорхнула стайка уток и закружила над лесным водоемом.

Владимир сорвал мешочек с головы кречета, и тот взмыл вверх настолько высоко, что от большой птицы на небе осталась только одна точка, едва различимая оком. Цапли первыми заметили спускающегося кругами хищника. Их тревожный крик раздавался далеко в округе. Чуть не задевая крыльями верхушки деревьев, они устремились прочь. Лишь утки все еще летали вокруг.

Кречет сделал последний круг и камнем упал вниз. Добычей его стал громадный селезень, рухнувший возле берега, но птица не опустилась на землю, а снова взмыла вверх. Пока последняя утица не забилась куда-то в подлесок, крылатый охотник выбил всю стаю. Затем сделал еще круг над опустевшей озеринкой и вернулся на призыв.

Птица успокоилась. Страсть от охоты улеглась. И Тимофей приблизился к Владимиру:

– Ох и ненасытен твой кречет, княже. Бьет всех, кто не покажется.

Довольный своей птицей Владимир отвечал, улыбаясь:

– Верно. С таким кречетом без добычи не остаться.

Улыбался он от души. Впервые за нынешний день.

– Да и твой неплох, – кивнул на притороченную к седлу боярина добычу, – скоро, гляди, и конь спотыкаться начнет... К отдыху время не пришло.

– Да за отдыхом дело не станет. Не так далеко мы и от имения ушли.

Кряж посмотрел перед собой.

– Через эту чащу проберемся и к веси выйдем. А там берегом реки и вернемся. Так способней будет.

Вдалеке послышались громовые раскаты. Собирался дождь. Владимир посмотрел вверх.

Кряж заметил и это. Поспешил успокоить:

– Коли спешно двинемся, в дороге не застанет.

Княжич согласно мотнул головой в ответ.

Добыча этим неказистым, пасмурным днем досталась ловцам неплохая. К седлам были приторочены гуси с утками, зайцы и даже лисица, попавшая под когти пернатому охотнику.

До реки ехали ходко. Снова насупившийся Владимир устало покачивался в седле. Охота ему успела поднадоесть. Хотелось сесть за широкий стол да отведать свежей дичи с добрым медом. А меду в имении Кряжа были хороши. Не раз пивал их старший княжич Владимир в имении боярина Тимофея.

По пойменному берегу стали попадаться косцы. Надвигающаяся непогода торопила селян с подсохшим сеном. Летнее время требовало расторопности. Знающие нрав своего боярина смерды³⁶, завидев охотников, предпочитала схорониться. Не успевшие пригибали спину и ждали, пока нежеланные гости проедут мимо.

Всегда шумливые охотники ехали на сей раз тихо – не шалили.

Тимофей Кряж поднял голову и уныло смотрел на чернеющее небо. Вымокнуть под надвигающимся дождем желания не было и у него, а больше всего хотелось угодить княжичу. Седмичей раньше великий князь, зная их дружбу, обмолвился словом, что отпустит его в ближние бояре к Владимиру в Москву. И манило Тимофея стать первым при Владимире, ведь старший сын – ему и дорога на великокняжий стол, когда время присплет. Да кто его знает, великого князя. С чего бы это он усердного боярина от себя отпускает? Кряж боялся прогадать. Который день он думал, как угодить Владимиру да и повыведать у того, что к чему.

Небо совсем заволокло. Холодный порыв ветра чуть не сбил шапку с головы Тимофея. Зашумели деревья. На землю упали первые капли теплого летнего дождя.

³⁶ Смерд – свободный крестьянин.

Конь княжича заволновался. Тимофей увидел его недовольное лицо. Вымокнуть насквозь тому явно было не нутру. Он ткнул своего коня под бок и поскакал, покрикивая:

– За мной, за мной держись.

Дождь немилосердно бил по лицу. Кряж гнал коня в сторону от реки, туда, где с давних пор стоял крепкий навес для сена под заваленной корой и тем же сеном крышей, огороженный когда-то работающим смердом Онуфрием – теперь боярским закупом³⁷, не знающим давно достатка.

Онуфрий прикрылся ладонью и посмотрел на серое грозное облачко, выглянувшее из-за верхушек деревьев. Запричитал: «Ох и несет тебя нелегкая!» Оглянулся. Окинул взглядом успевшее высохнуть сено. Двое младших его чад – Тереша с сестрой Ульяной – дружно огребали лужок и стаскивали сухую траву под просторный навес на лесной окраине. Онуфрий снова взялся за грабли, успевая незлобно покрикивать на своих чад:

– Поспешайте, поспешайте шибче. Вот-вот польет.

Облачко стремительно росло и темнело, заволакивая солнце. В душе же немолодой смерд был рад надвигающемуся дождю. Этим летом влага была нужна.

Брат с сестрой старались из всех сил. А между тем крупные теплые капли уже начинали падать на землю. Старания не пропали даром. Разразившийся ливень не успел замочить заготовленное сено. Измученные работой Тереша с Ульяной опустили на душистую траву. Навес был добротным. Лишь только редкие капельки просачивались сквозь ладно сделанную кровлю. Да крепкий ветер нет-нет да и сбивал водяные гроздья откуда-нибудь сбоку.

Тереша повернулся к отцу. Онуфрий стоял, опершись на жердь, и смотрел на крепчающий водяной поток, стеной накрывающий пойменные луга. Громыхало где-то в стороне, озаряя округу грозными отблесками. Отец крестился на каждый раскат. Изредка поговаривая:

– Как пошел! Не к добру, не к добру пошел. Громыхает-то.

Сестра Ульяна крестилась вслед за отцом, с укоризной поглядывая на Терешу, добродушно усмехающегося сквозь зубы.

– Да чё ты, тату, дождь ругаешь. Намедни все Бога молил. А теперича охаешь.

– Ты посудачь мне еще, охальник. Али натрудился мало?

Тереша продолжал спокойно:

– А ведь верно, тату. Под навес одни мы сено укладываем. Все попросту в стожки мечут.

Скоко труда лишнего.

– Цыц мне еще. Учить надумал.

Но, взглянув на Ульяну, которая боком поглядывала на отца и, видно, ждала, что тот скажет, смягчился:

– Эх ты. А ведь говорено было не раз. Как скотину кормишь, такой и прибыток.

Брат с сестрой со вниманием слушали отца.

– Коли сухое сено замочить, да ежели еще не один раз, сила в нем не та, а значит, и скотине не впрок.

Онуфрий еще раз недовольно посмотрел на сына. Вот ведь уродился. Весь в мать. Не смолчит. До чего охоч языком молоть! Он подумал, не ругнуть ли сына покрепче, но яркая молния осветила все кругом. Жуткий грохот разразился чуть не прямо над их головами. От неожиданности Онуфрий пригнулся, а Ульяна закрыла лицо руками. Тереша лишь слегка прищурился, оглушенный раскатом.

– Ох, не к добру это.

Старик, не расправляя спины, крестился, положив руку на деревянный нательный крест.

Вслед за раскатом небо начинало проясняться. Онуфрий выглянул наружу и отшатнулся обратно. Несколько всадников неслышно приближались к их пристанищу.

³⁷ Закуп – крестьянин, взявший в долг. Становился холопом в случае невозвращения долга в срок.

Сквозь шум дождя не было слышно лошадиного топота. Слабеющими глазами он сумел разглядеть боярина Тимофея, но, глядя на то, как скачут всадники, Онуфрий забеспокоился. Что на уме у боярина, кто его разберет. Когда человек вольный – одно дело, а когда кабала легла на плечи всей семьи – добра не жди от такой встречи. Раздумывал недолго.

Не поворачиваясь, вполголоса крикнул:

– Улька, беги-ка до дома скорее.

– Дождь же, тату.

Незванные гости приближались стремительно. Осерчавший Онуфрий прошипел:

– Беги, говорят. Боярин, кажись, к нам жалуется.

Вместе с сестрой на ноги вскочил и Тереша. Побледневшая Ульяна, подхватив подол длинного домотканого сарафана, выскользнула изпод навеса и бросилась бежать, что есть силы в ближайшее перелесье.

Кряж подскочил к навесу первым, разгоряченный быстрой ездой, он заметил, как к лесу убегает длинноногая девица, бесстыдно задрал подол. Былое озорство вспыхнуло в нем с новой силой, но он оглянулся на спутников. Изрядно промокнув, к нему подъезжал Владимир с остальными. Кряж озорно показал на убегающую девицу:

– Смотри, княже, какая стрекоза от нас упорхнула.

Сложив пальцы, он пронзительно свистнул.

– Ай, лови ее, лови!

Дружный хохот остальных развеселил и Владимира. Соскочив с коня, он поспешил скрыться от дождя.

Онуфрий с Терешей кланялись в пояс.

– Што молчишь? Язык проглотил, што ли? – Кряж сурово поглядывал на отца. – Не признал?

– Как не признать, батюшка Тимофей. Нам ли...

– А девку что по дождю погнал, старый? Али не видишь, кто перед тобой? Князь московский Владимир со товарищами.

Онуфрий видел молодого московского князя лишь мельком и помнил плохо. Но не молодого княжича убоился он, а самого Кряжа, зная его нрав. Видя недобрый взгляд боярина, повалился в ноги. Молчавший Тереша повалился вместе с ним.

– Слабенец стал очами я, батюшка. Не узрел сразу-то.

Кряж погрозил плетью:

– Все ты зришь, старый. Дойдет и до тебя черед.

Речь Тимофея изрядно надоела Владимиру:

– Оставь его, Тимофей.

Он опустил на сено, утомленный ранним вставанием, и сомкнул веки.

– Отдохнем, сколько Бог пошлет.

Кряж опустил рядом с ним.

Короток летний ливень, а день долог. Набежавший свежий ветер потянул за собой тучи, и снова выглянуло теплое солнце. Онуфрий долго смотрел на удаляющуюся княжескую свиту. Чувствовало сердце старого смерда – не кончится добром этот день.

Терем в новой боярской усадьбе Тимофея Кряжа был выше прежнего. Прибавилось и хозяйственных построек. Себе на радость отстраивал хоромы Кряж. Все местные смерды с холопами³⁸ хорошо потрудились тут на боярина. Нравились здешние места Тимофею. И не глушь, и угодя богатые. Не оскудели еще леса дичью, а ближние озера – рыбой. Да и людишек по окрестностям вдоволь поселилось. Самое место для усадьбы. За верную службу отписал

³⁸ Холоп – несвободный человек, раб.

эти земли Тимофею владимирский князь. Этим Кряж сильно гордился. Не всякому такой куш достается.

Вернувшись с неплохой добычей, охотники принялись за гулянье. Челядь резво бегала возле пылающих костров. Кипели котлы, жарилась добытая птица и прочая лесная живность, попавшаяся на дороге княжеской свите.

За выпитым медом разговоры шли веселее. Тимофей подлил княжичу в резной серебряный кубок темного, как квас, меда сам. Разговор повел издалека:

– Кой день с тобой, княже, гуляем, а ты все не весел. Может, баньку еще раз протопить – и отпустит?

– Полно, Тимофей. Да и не кручина то вовсе.

Княжич замолчал на время. Кряж не торопил, помня о своем.

Владимир разом осушил поднесенный кубок. Очи его осовели. Тимофей тут же моргнул девице, обносившей гостей медом. Опустевший кубок вновь наполнился хмельным зельем.

– Душа у меня не на месте, Тимофей. Хоть и недолго я на Москве, а княжение московское опостылело. Одна отрада – с Москвы вон.

Захмелевший Кряж удивленно поднял брови. Такого услышать он не ждал.

– Да худо ли, княже, на Москве? Град не мал, да и не беден.

– Верно все говоришь, Тимофей, а мне не по сердцу.

В туманной голове боярина крепла его давняя догадка. Тяготится княжением Владимир. Нет в нем задора.

Владимир опрокинул кубок и бессильно опустился на скамью. Замолчал. Смотрел вокруг невидящим взором.

Тимофей понял: перебрал медов новый московский князь. Видать, и вправду тяготится княжьей долей. Больше говорить было не о чем.

Гуляли все же не шибко. По-простому сидели за одним столом, не чинились. Княжич Владимир больших свит не любил. Особенно на соколином лове. Приехало с ним меньше дюжины, но шума за столом от этого не стало меньше. Много раз кричали здравицу и за нового князя московского, и за хлебосольного хозяина.

Сам хозяин пил меньше других. Больше подливал да посматривал, что к чему. Может, кто каким словом обмолвится. Иной раз краем уха такого услышишь от простого выжлятника, что не услышал бы никогда по трезвому делу. Потому Кряж и держал ухо востро. Мало ли у кого язык развяжется.

Но гости гуляли как положено. Горланили песни вслед за дударями. Разом осушали кубки. Только подливай.

Под вечер, однако, и ему опостылела гулянка. Больше, чем на мед, стал заглядываться Тимофей на девок. Особенно ему приглянулась одна, обносившая гостей медами. Тут ему вспомнилось утро и девка-беглянка, улепетывающая через луг. Горячая кровь забурилась в нем, и он подозвал тиуна³⁹ Власа:

– Смышленный-то смерд Онуфрий в закупах еще ходит али выкупился?

– Да где в закупах, боярин. Почитай, с Петрова поста все семейство его обельные холопы.

Кряж одобрительно ухмыльнулся:

– Ладно, дело делаешь.

Отстранившись от тиуна, начинающий хмельть боярин подозвал меченошу:

– Пойдешь до веси. Приведешь холопа Онуфрия дочь. Мол, честь ему великая. Князю за столом прислуживать будет. Понял ли?

Кряж толкнул меченошу в грудь. Тот тоже успел поднабраться боярских медов.

– Исполню все, боярин.

³⁹ Тиун – должностное лицо у князей или бояр.

– Сшас же ступай. А Влас тебе дорогу обскажет.

Тимофея тоже стало клонить ко сну. Княжич Владимир давно дремал, оперевшись рукой на стол. Да и прочие поутихли. Лишь кое-кто пытался еще побалагурить да попользоваться боярским медом.

Меченоша вернулся ни с чем. На его протрезвевшем лице отпечаталась кровотокающая садина. Кряж долго смотрел на него.

– Ну?

– Не прогневайся, боярин. Не смог привезть. Горяча больно девка. Коромыслом отбилась. И...

Меченоша замолчал, но Тимофей все так же не сводил с него взгляда.

– Ну?..

– И убегла огородами. К лесу. Не прогневайся.

Кряж отыскал очами Власа, услужливо стоявшего неподалеку:

– Больно холопы у тебя вольные.

Влас побледнел:

– Уйдем, боярин-батюшка. Уйдем. Уж я и проучу ужо.

Влас еще долго причитал. Несмотря на то, что Тимофей отвернулся и потянулся к нали-тому до краев кубку.

– Выучим, батюшка. Всех выучим.

Но тот уже не слушал его, отыскивая очами приглянувшуюся ему холопку с ендовой⁴⁰.

⁴⁰ Ендова – глиняный сосуд с узким горлом.

Дорога к дому

Лето все радовало теплом. Даже птицы, утомленные зноем, не были слышны на лесной дороге. Несколько всадников, изрядно уставших в пути, наконец-то выбрались на берег полноводной речки. Оставив приграничье другим стражам, боярин Евпатий возвращался в родовое имяне. Каждый думал о своем. Угрюмый и задумчивый вид боярина отбивал охоту балагурить у спутников. Ехали молча.

Не с легким сердцем возвращался боярин Коловрат в родные места. За искренность свою попал в опалу. Не понял его рязанский князь, не услышал. Только от себя отдалил.

Кони, почуяв воду, забеспокоились. И пуще всех молодой жеребец Андрейки. От неожиданности тот чуть не выругался, но, спохватившись, крепче взял коня уздой: «Спаси бог боярин услышит... Да и остальные немногим лучше». Не годилось молодому вою так язык распускать.

Могучий всадник на высокорослом жеребце махнул рукой, разрешая спешиться. Это и был боярин. Хмурый, ничем не выделявшийся среди своих спутников. Поросший кустарником берег позволял подобраться к воде только в одном месте. Когда первые всадники спустились к воде, Андрейкин жеребец все еще тряс головой, стремясь ухватить зубами хозяина. Дошла очередь и до остальных. Заведенный порядок требовал быть осторожным на водопое. Лихие людишки нет-нет да и пошаливали на дорогах. В здешних глухих местах об этом пока не слыхивали, однако береженого Бог бережет. Ехали без брони, но при оружии. Дорога неблизкая. Больше дня пути от Рязани. Но сухая летняя дорога всегда кажется короче.

Напоенные кони пошли резвее. Скоро и отчий дом.

Есть от чего порадоваться Андрейке. С зимы не бывал дома. Был он средним. Старшие давно жили своими семьями. Только младшая сестрица все еще ходила в девках. Сам он считался везучим. Не многих брал к себе на службу боярин. Да еще такой знатный воевода.

Семья не бедствовала. Отец был известным ковалем⁴¹. Трудился усердно. И видно, Бог ему за это помогал. Ладилось дело. Все сыновья с отцовской кузни начинали.

Это в городе ковалю прожить легче. Знай себе куй. А здесь не только ковать, а и криницу⁴² самому плавить. Помощники нужны. За делом у отца и Андрейку боярин Евпатий приметил. Понравился ему юнота. Сноровист, и силенкой Бог не обидел, чем не добрый воин. И вот уж год, как на службе у боярина прошел.

За лесным поворотом показалась весь. Кроме Демьяна и Андрейки, коих боярин отпустил сразу, здешних не было среди воев. Все они направились к боярским хоромам.

Андрейка слез с коня, очень ему хотелось в кузню попасть, но сдержался, направился к дому. Хоть и ждали его с побывкой, но все одно получилось неожиданно. Мать чуть не разбила горшок, когда увидела своего сыночка. Сестра Любана бросилась на шею, вопя: «Братец приехал!» Вдвоем они вцепились в него и еще долго бы стояли так, если бы мать не опомнилась.

– Чево это я, ты ведь, чаю, устал с дороги... Пойдем в избу... И вечерять уже скоро.

Отчий дом ничем не изменился. Разве стал желаннее и роднее. Отдохнуть и впрямь не мешало. Он опустил на лавку. Мать принесла крынку холодного молока. Ох, давно он не пил такого душистого молока. Захотелось забраться куда-нибудь и уснуть, но не годится так молодцу поступать. Скоро и отец с работы вернулся.

– Тото я гляжу, тиун боярский как ошпаренный пронесся на своей кобыле. Нут-ко, поворотись, дай обнять... Экий вымахал!

⁴¹ Коваль – кузнец.

⁴² Криница (крица) – ком железа, смешанного со шлаком и остатками угля. Образуется при плавке железной руды. При дальнейшей плавке получается чистый металл.

Сели вечерять. Как всегда мрачный и усталый, отец много не расспрашивал. Хотел узнать только, надолго ли боярин в вотчине останется. Зато мать с сестрицей одолели с расспросами, так что гость заспешил из-за стола:

– Пойду пройдуся.

От неожиданности мать посмотрела на Андрейку испуганным взглядом.

– Куда же это?

– Пусть пройдетя. Давненько не бывал, – одобрил отец.

– Да недолго я. Вскорости вернусь.

Оставшись вдвоем, Михей посмотрел на жену и вполголоса проговорил:

– Добрый молодец получился из Андрейки... Время бы и женить. Как думаешь, Марфа?

– А пора ли... Не обождать до следующей осени? – Марфа старалась не смотреть на мужа. – Лада-то его уже мужняя жена.

Тот сразу насупился: «Чево еще моя половина удумала, сама все заводила разговор, а теперь в сторону». Но, несмотря на суровый вид, Михей был человеком с доброй душой и жену уважал.

– И кто же такая?

– Архипа-охотника дочь. Настена.

– Ишь ты... Оно, конечно, верно. Можно и обождать. Он ведь ломоть отрезанный. В отчий дом гостем приходит. Да на пользу ли ему будет? Осьмнадцатый год, а уже и мошна не пуста... Боярин не скуп. Да и князь одаривает... Но будь, по-твоему. Погодим ему свою волю объявлять.

– Пусть время минет, отец. А там, глядишь, и сам сватов попросит засылать.

Андрейка даже не догадывался об их разговоре, но гостинцы привез не только родным. Была у него в родной веси зазноба, когда уходил на службу в прошлую зиму, долго они миловались у сенной копенки. Не могли расстаться. Помнил он и слова своей лады.

Прижавшись к милому, Настя прошептала замерзшими губами:

– Уедешь на службу княжескую и не вспомнишь свою ладу. Других девок встретишь...

Раздосадовал он тогда на нее. Стиснул свою желанную так, что та застонала легонько от жаркого объятия, а что наговорил, и не упомнишь:

– Мне, любая моя, кроме тебя, никого не надо... Завтра же скажу отцу. Пусть сватов засылает.

Отстранилась тогда Настя испуганно:

– Ой, погоди, не любит отец княжих людей. До осени погоди. Может, отойдет его сердце. Тебя ведь он сызмальства знает... Пора мне, ну как хватятся.

Так и разошлись они, а по осени выдали Настю замуж. Все это время мысли о ней не покидали его. Скучать, правда, особенно не приходилось. У боярина Евпатия не засидишься.

Все время при деле. И воинскому ремеслу обучиться надо, а то и гонцом в дорогу, не зная покоя и устали. Много спрашивал боярин, но и одаривал по старанию. Случалось, и прогонял кого. Андрейка же со всем справлялся не худо. В задирах не ходил, но и спуску не давал. И что особенно нравилось боярину, в застолье за хмельной чаркой не тянулся.

Время стояло хоть и тревожное, но мирное. Не забыть Андрейке, как в первой настоящей сече пришлось побывать. С княжьим сбором⁴³ малой стражей обоз тогда сопровождали. Пробовали лиходеи обоз пограбить. Да не тут-то было. Одолели налетчиков. Первый раз обагрился кровью тогда меч парубка. Ох и худо было после той сечи на душе. Ни есть, ни пить не мог, но виду не подавал. А все одно от сотника Митяя скрыть ничего не удалось. Не насмешничал над ним Митяй. Понял все. Подъехал по-тихому, когда других рядом не оказалось, и сказал по-отечески:

⁴³ Сбор – здесь: княжеская подать.

– Не горюй, молодец. Все мы у Бога на виду... Что душа горит, это ничего. Пройдет. По первости завсегда так... Дело наше служилое – хошь и грех на душу, а по-другому не выйдет... Не тужи... Меду попей. В церкву сходи... Полегчает... А коли не полегчает – другая у тебя дорога.

На том и разъехались.

Послушался совета Андрейка. Затуманил хмелем голову, а протрезвев, в церковь отправился на исповедь. И отлегло на душе у парубка. Однако для себя решил: как только встанет на ноги боярскими милостями, будет просить отпустить его со службы. Никому о том не обмолвился и словом. «Эко видано, с такой службы уходить. Не бывало такого, пока ноги носят милостника».

А скучал Андрейка не только по отцу с матерью. Бывало, чудилось ему, как раздувает он мехами горн в отцовской кузне, как раскаленный металл под его ударами принимает форму.

Потому, выйдя на улицу вечером, отправился он смотреть кузню. Поставили ее рядом с небольшим болотцем, где раньше добывали руду. Со временем уже совсем высохшее болотце поросло осокой и превратилось в неудобье. Руды там не стало, а кузня так и осталась стоять на старом месте. Обойдя кругом, Андрейка остановился стоять у небольшой домницы. Она почти остыла. Недалеко валялось покореженное железо.

Приоткрыв ворота, он заглянул внутрь. «Все на своем месте». Подошел к мехам, взялся за увесистый поручень. Ох и тяжел же он был для него когда-то. Осторожно потянул вниз, еще и еще. Горн фыркнул и сдул остатки золы в печи. Оглядевшись еще раз вокруг, он вышел прочь.

Народ с лугов возвращался по домам. Громкие ребячьи голоса доносились со стороны реки. «Не грех бы и самому ополоснуться, как бывало, – подумал Андрейка, – до бани еще дойдет дело». Искоженным путем он направился к реке и сразу отпрянул за прибрежный куст. Стайка девиц, разогнав ребятню, резвилась в воде. Хохоча, они выскакивали из воды и снова бросались в нее. Одна, отстав от подруг, выбежала прямо напротив его. Он узнал Настю. У Андрейки все похолодело внутри. Он увидел ее нагое девичье тело. Силился отвести глаза, помня, как родитель внушал: «Блуд и гордость изгоняют...» А Настя тем временем прошла мимо, покачивая крепко сбитыми лядвиями⁴⁴, распустив свою тугую косу.

Нахлынувшее оцепенение стало оставлять Андрейку, повернувшись, он прошмыгнул дальше в кусты. «Не ровен час увидит кто, – устыдился он своего любопытства, – не годится княжескому гридню⁴⁵ нагих девок высматривать».

Где-то рядом хрустнула сухая ветка. Перед ним тайком от реки уходил незнакомец.

⁴⁴ Лядвии – бедра.

⁴⁵ Гридень – дружинник.

Беглец

Хорошо в спокойный летний день в лесу – птицы поют, деревья покачивает легким ветром, а они, поскрипывая, словно отвечают ему. Только тяжело на сердце у Тереша. Не радуют его ни летний день, ни птицы. А бывало, любил он птиц послушать. Тайком уходил из родительского дома на ближний луг, ложился ничком и слушал, пока отец на работу не выкрикнет. Не раз доставалось ему за это. Да то разве обида... Ушло время. В неурожайный год похолопили всю их семью. Пришлось занять жито у боярина. А отдать сполна не смогли. Год проходили в закупах, а потом и холопство подступило. Разве ж боярские прихвостни упустят вольного человека к рукам не прибрать. Но лихо настало, когда попала на глаза боярину сестра его – Улька. Девка видная, да и не больно кроткая. Житья совсем не стало. Век будет помнить Тереша тиуна Власа. «Чтоб ему...»

Но недолго Власова палка гуляла по Терешину хребту. Не выдержал он боярской неволи. Обломал ту палку об тиуна и совсем уж было хотел придавить, да греха убоился и ушел в бега. Вот и идет теперь, не зная куда. Хорошо, мир не без добрых людей, а то давно бы с голодухи преставился. В чем был, в том и ушел. Днями забрел в глухомань, так что чуть в болоте не утонул. Насилу выбрался. Третий день ни крохи хлеба во рту. Заплутал крепко. Силы стали покидать беглеца.

«От неволи ушел, чтоб в лесу сгинуть», – подумал он, опускаясь на землю. До того устал, что закрыл очи и лежал так долго-долго, не в силах подняться.

Дневное тепло согрело землю. Вековые сосны росли редко. Старый пожар оставил после себя следы.

Отлежавшись, Тереша поднял голову и осмотрелся вокруг. Густые заросли смородины были перед ним. Это была удача.

«Невелика радость, а все не печаль», – думал парубок, срывая кисловатые, еще не спелые плоды. Рядом виднелся и малинник. Тереша так увлекся, что не сразу различил возню в соседних кустах. Смутная догадка мелькнула в его голове: «Никак на самого хозяина нарвался», но зверь тоже почувствовал незваного гостя, и лес огласился медвежьим ревом. Не чувствуя ног, парубок бросился в чащу – откуда силы взялись? Бежал, пока снова не обессилел. Так и упал навзничь на небольшой поляне.

Сколько лежал, неведомо, только почудилось ему ржание коней и плеск воды.

«Почудилось, – он открыл глаза, – нет, ей-ей, кони». И он пополз. Затем поднялся и нетвердой поступью потащился на доносившееся тихое ржание.

Людские голоса остановили его. «Кто знает: добрые ли люди, а может, и вовсе тати⁴⁶?» Но остановили ненадолго. Он усмехнулся сам себе: «А ты-то кто?»

Тишочком стал пробираться на голоса, пока в прореске не показалась вода.

«Вот она, река, а вон и люди», – Тереша увидел, как трое конных поили лошадей. «Вои», – понял он.

Троица скрылась из глаз, уступив место следующей. Спугнутая беглецом сорока сорвалась с ветки, оглашая округу своей стрекотней. Один из конных насторожился, а Тереша уже лежал на земле.

«Неужто услышал... – кружилось в голове, – пугливый стал, хуже зайца, – нет бы к людям выйти». Но неведомое чутье сдерживало его. К таким выйдешь, и головы можно не сносить.

Тем временем всадники, покончив с водопоем, скрылись из вида. Однако парубок был рад встрече. Дорога была где-то рядом. Да и река всегда к жилью скорее выведет. Слава богу, день выдался жарким, а река неглубока, осилил ее беглец быстро. Облачился снова в дерюжный

⁴⁶ Тати – вору, разбойники.

кафтан, засунул за онучу нож, когда-то выигранный в зернь у сына коваля, спрятал за пазуху кресала, коим одарили добрые люди за работу, и, не думая про усталость, вновь пустился в путь.

Дорога отыскалась быстро. Довольный собой, он зашагал, надеясь найти хотя бы временное пристанище. Так к вечеру беглец вышел к жилью.

Весь была большой. Все бы ничего, да боярская усадьба грозно стояла невдалеке. «Раз боярин себе такие хоромы отстроил – знать, бывает частенько, в таком месте подмоги не жди, – с досадой подумал Тереша, – и куда токмо спешил». Но усталость валила с ног. Кое-как добравшись до речных кустов, он устроился в густых камышах недалеко от воды и забылся голодным сном.

Разбудил его девичий хохот и плеск воды. Солнце уже почти скрылось за макушками ближнего леса. Поначалу насторожившись, беглец хотел дать деру, да, протерев очи, обомлел.

Здесьние бабы и девки, возвращавшиеся, видно, с сенокоса, решили искупаться после жаркого дня. От такого разве сразу убежишь... Сарафаны и грабли валялись тут же, на берегу. В лучах заходящего солнца их тела искрились от летящих брызг. Только когда одна из девиц выскочила из воды невдалеке от Тереша, он, устыдившись, стал отползать в сторону. Затем поднялся и пошел, неловко наступив ногой на сухую ветку.

Однако тихо уйти ему не удалось. Не прошел он в полный рост и дюжины сажений, как столкнулся нос к носу с парубком ростом не выше его. Парень появился неожиданно. Так, что Тереша, не успев опомниться, уже лежал придавленный к земле.

Нежданная встреча

Андрейка крепко держал Терешу за руки. И ладно, что держал. Тот только и думал, как достать из-за онучи нож да пырнуть обидчика.

– Ты пошто по кустам прячешься? Озоруешь... – рычал он.

– Не твоя печаль, – прохрипел Тереша, – набросился сзади – тоже мне богатырь. Ты челом к челу сойдись, тогда увидим, кто ты есть.

Парень вдруг отпустил его и поднялся на ноги.

– Вставай. Сойдемся, как положено.

Тут беглец разглядел своего обидчика. Крепко сбитый голубоглазый парубок не старше его самого смотрел на него открыто, без злобы.

Не ждавший такого ответа Тереша даже забыл про нож, который теперь мог свободно выхватить.

А когда увидел, что тот скинул с себя рубаху, младая удаль заговорила в нем. Не захотел он уступать этому сытому незнакомцу. Так и схватились бороться.

Неслаб был Тереша, но одолеть парубка силенок не хватило. Снова оказался придавленным к земле.

– Твоя взяла, – вполголоса признал он. И скорее с досады взял да и выложил все начистоту: – Беглый я, иду, куда глаза глядят. Ищу, где люди добрей. – Тереша зло поглядывал на Андрейку. Тот же, наоборот, смотрел по-доброму.

– Чего натворил-то, что бежать пришлось?

– Тиуну боярскому бока обломал... Мироеду проклятому... Бог миловал, не довел до греха.

– И то ладно, – Андрейка отпустил Терешу. Поднимаясь на ноги, огляделся по сторонам. – А как звать тебя, странничек?

– Терешей кличут.

– Доброе имя... Давай-ко, Тереша, побыстрей уходи, как бы бабье царство чего не прослышало.

От неожиданности Тереша слегка опешил, а потом подхватил свою рубаху и пустился прочь.

Андрейка не двигаясь смотрел ему вслед и думал: «Этот лиха в себе не носит, хоть и беглый. Да пусть идет с богом».

Однако парубок еще раз оглянулся через плечо. Не увидел ли кто, не ровен час. Нет. Все тихо. Со стороны реки все так же доносился девичий визг.

И занью вдруг сердце старой болью... Достал он из сапога костяной гребень, украшенный цветными бусинками, завернутый в тряпицу, постоял и, размахнувшись, швырнул в осоку.

Засоха

За общей радостью лишь один человек не мог быть доволен приездом хозяина. Здешний тиун Засоха, хотя с виду и не показывал своей досады, опасался боярина. Свой суровый нрав тот выставлял на ратном поле, а перед смердами да холопами держался ровно, народ не обдирал. Даже своими угожьями разрешал пользоваться. На реке его знамен⁴⁷ и вовсе не было. Засоха же, давно почуяв свою корысть, своевольничал.

Со времени, когда получил боярин эту землю, разрослись веси. Стало их три. Одна от другой рядышком. А коли веси растут, земли пахотной больше требуется. Надо лес валить, очищать поляну под поле, а вблизи-то земля вся боярская. На то был заведен такой обычай. Смерды валили лес, расчищали пашню.

Боярин получал свою долю той же пашней. Ее и удумал брать Засоха поболее.

– А боярину што? Кому с того барыш больше, – рассуждал он, – о его добре ведь вперед пекусь.

Приметила то боярыня, но отваживать не стала. Младшие дочери на выданье, а приданое само не соберется. Отвадишь, и радения в тиуне убавится.

Со временем тот и сам понял, что перестарался. Смерды на него косо посматривали. Если б не меч на поясе, давно бы шею свернули в лесу. Так что обходила пока стороной его лихая доля.

Но боярыня боярыней, а народ здешний, боярской властью не больно пуганный, смиренно молчать не станет. Вот чего опасался Засоха. К тому же своей волей он не только на ближние озера боярских знамен наставил, но и на реке появился боярский знак. Опять же с улова долю теперь смердам отдавать приходилось. На реке-то знамен никогда не бывало. И все его произволением, тяжелее становилось житье у здешнего люда. Чуть что, на поклон к боярину. Так и холопов в имении прибавлялось.

Боярин Евпатий на холопов падок не был. А бывало, что и из холопов на службу брал. Так что радоваться приезду боярина Засоха не мог. Ну, как тот дознается о его воровстве?

Услыша во дворе крики, тиун второпях перекрестился на икону, перед тем как выйти встречать хозяина.

⁴⁷ Знамя – здесь: знак боярской собственности. Уникальный рисунок из символов, который наносился на ближайшее дерево (деревья).

Заботы

Боярыня Ефросиния поджидала мужа на побывку давно. Тревожилось. Тосковала. Ей ли было не знать про опалу. Заботу эту хранила в себе. Хозяйство и дочерей блюла в строгости.

Ефросиния довольно смотрела на своих вышивающих дочерей. Не все с простыми девками играми забавляться. К рукоделию их приучала с малолетства.

У младшей дело ладилось худо. Уколов палец, она охнула, и быстрые слезы полились по щекам.

– Пóлно, Марьюшка. Пóлно. – Боярыня поднялась с лавки и подошла к дочери. Успокаивая, погладила по голове.

– Не ладится у меня, матушка, – дочь всхлипнула, обхватив мать руками.

Средняя дочь Авдотья бросила свое занятие и участливо встала рядом с ними.

На улице послышался шум. Сквозь открытое оконце донеслось:

– Верховые... Верховые скачут.

Ефросиния бросилась на улицу. А за ней и дочери.

Тиун Засоха встретил ее на всходе⁴⁸. Крикнув челяди, чтобы открывали ворота, закивал головой боярыне.

– Не иначе, боярин возвращается, матушка. Вот радость-то, – знал, куда подлить меда, тиун.

Истосковавшееся сердце Ефросинии наполнялось радостью.

Встречала сама у ступеней всхода. Держа большой каравай на цветастом ручнике, она улыбалась своими нестаряющимися очами долгожданному мужу.

Кроме Андрейки с Демьяном ратники расположились в доме Евпатия. Не было особой праздности во встрече. Посидели, как принято, за широким хозяйским столом и разошлись по светлу.

А поутру банька да за хозяйские хлопоты. Прознав, что приехал боярин, перед воротами усадьбы собрались челобитники со всей округи. Боярин слыл незлым, и народ хаживал к нему со своими тягостями. День прошел в суетных заботах. С женой Ефросинией лишним словом обмолвиться не пришлось. Лишь по приезде поговорили поболее. А поговорить было о чем.

Не дал Бог боярину Евпатию сыновей – все дочери. Старшие уже замужем. Еще одной подошел возраст. А там и младшей пора подоспеет. О том Ефросиния и хотела напомнить мужу, чтобы в делах княжеских своих дел не забывал.

Утомленный дорогой Евпатий с вечера заснул крепко, но ночью проснулся. Было душно. Где-то близко собирался дождь. Поднявшись с ложницы, взглянул на спавшую Ефросинию. Она спала, широко разметав руки, так что из-под сорочицы обнажилось плечо. Евпатий тихонько подошел к кадучке и испил берестяным ковшиком ядреного малинового кваса. Стало легче. Мысли его обратились к дочерям. Пошел в думках к их девичьей горнице, а у дверей остановился и вернулся обратно. Не малые ведь. Не годится отцу на подросших дочерей ночами смотреть. На то и день есть.

Сон пропал. Духота надвигающейся грозы будоражила в боярине мрачные воспоминания.

Не забывал Евпатий своих забот. Однако и другое тяготило его. Не уходил из головы давний разговор с князем, что привел его к опале.

Не мог забыть боярин, как невидящим оком смотрел на него князь.

Случилось все не так давно.

Князь сурово смотрел ему в очи.

⁴⁸ Выход – здесь: крыльцо.

– Больно ты, Коловрат, на себя не похож становишься. Вроде не стар еще... Али постарел, пужлив стал... Обо всем не упечешься, наперед о ближнем думать надо.

– Этой напасти не минешь, княже. Половцы, почитай, под татарами ходят. Да и народец весьма лют. Нам о том забывать недосуг. Одиннадцать зим минуло, и вот опять объявились. Кабы булгары их тогда не встретили, то и к Рязани бы подступились.

– Кабы подступились, ан нет. Сам-то ты разумеешь, о чем просишь? Сколь всего надо, чтобы дружину вдвое поднять да детинец так укрепить!

В сердцах князь даже махнул рукой.

– Да тут перестроить способней получится. Дак ты еще и смердов с посадскими к оружию приучать надумал. Случись чего, и кому наперед достанется?.. Бывало такое в Рязани. Али запоматывал?

Князь подошел к боярину, положил руку ему на плечо.

– Сбор второй год все худее и худее. Пинский тут свой карман не обходит, как и не подручник уже. Не осилить всего. Дай Бог сбор собрать да детинец поправить добро.

Не унялся тогда Евпатий. Посмел перечить:

– Посадские к оружию и так привычны. Ими в лихое время дружина добро пополняется. И смерды не плохи при своем топоре, токмо мало сего – умение надоть. Коли Бог время дает...

– Да коли думу собрать, ни один из бояр за тобой не пойдет. Да и засиделся ты в ближних. Ступай... Не к месту хлопоты...

И верно говорил князь, на боярской думе не поняли его мыслей бояре, промолчали все. Один Михайло Головня осмелился обмолвиться, да без толку все: «Не видят они грядущей опасности. Сидят в боярских усадьбах, лень чресла от скамьи отодрать. А грянет из степи лихо, поздно креститься будет».

Ефросиния проснулась от громовых раскатов. Муж лежал возле нее, сложив руки за голову. Она поняла – не спит. Прильнула к мужниной груди.

– И мне, бывает, без тебя не спится. Проснусь, а думы сами и набегают. За Авдотьюшкой вскорости и сватов начнут засылать. Я уж и сундуки приготовила...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.